

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Оживший кошмар русской истории



Страшная правда
о Московии

Вся правда о России

Андрей Буровский

**Оживший кошмар русской
истории. Страшная
правда о Московии**

«Яуза»

2010

Буровский А. М.

Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии
/ А. М. Буровский — «Яуза», 2010 — (Вся правда о России)

Самая скандальная книга самого неуправляемого историка! Вызывающий бестселлер главного «возмутителя спокойствия»! Шокирующая правда о нашем прошлом, жестокий удар по национальному самолюбию! Посмеиваясь поднять руку на самые неприкасаемые мифы национального сознания, автор берется доказать, что «Россию губит избыток природных ресурсов, который мешает стране развиваться, делая ненужным все сложное и совершенное», а «каждый из нас несет в душе такую «психологическую мину», что если рванет – мало не покажется!». Эту книгу можно проклинать за нарушение всех и всяческих табу, ее можно обвинять в вопиющей «неполиткорректности» и воинствующей «русофобии», с ней можно (а по мнению редакции, просто необходимо!) спорить – но читать обязательно!

© Буровский А. М., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Введение	5
Проблема слышимости	7
Часть I	8
Глава 1	8
На Северо-Востоке	8
Особый тип славянской культуры	14
Глава 2	20
Рост Северо-Востока	20
Реализованное честолюбие	21
Судьба самодержца	22
После Юрьевичей	24
Как формировались традиции	25
Политические традиции Северо-Востока	26
Деспотия без монголов	27
Глава 3	29
Потери	29
Православные пастыри	29
Каин и Авель	30
Деспотия без монголов	31
После Александра Невского	32
Глава 4	34
Из Северо-Восточной Руси – в Московию	34
Наследие Батыги Джучиевича и Александра Батыговича	35
Первый поворот к Европе задом	39
Лидер Северо-Востока	41
Поддержка Церкви	42
Оформление Московской Руси	43
Что получилось?	45
Глава 5	47
Что такое православие?	47
Приключения христианства на Руси	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Буровский

Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии

Книга ПОСВЯЩАЕТСЯ всем москалям, которые родились и прожили жизнь в Московии, но вопреки всему сохранили национальные черты русских людей – самостоятельность, чувство собственного достоинства и силу духа.

Автор

Сражающемуся с чудовищами следует позаботиться о том, чтобы самому не превратиться в чудовище. Слишком долго заглядывающему в бездну следует помнить, что и бездна вглядывается в него.

Ф. Ницше

Введение

Чудовище на Северо-Востоке

Народ, у которого совершенно не развита общественная жизнь, у которого личность подавляема, обречен на разложение и утрату своей самостоятельности.

В.М. Бехтерев

В XII–XIII веках на Северо-Востоке Руси рождается чудовище. Назвать его можно по-разному: и традицией политического бесправия, и деспотией, и азиатским путем развития.

Неисчислимые бедствия сулит этот путь; великое множество смертей, человеческих мук, разруху и одичание. Не одна кровавая комета растаяла в небе, едва чудовище повело вокруг своими желтыми драконьими глазами. Вот оно вскинулось, оскалилось полудиким конем из бесплодной монгольской степи. Повеяло во все страны жаром пыточных горнов и пожарищ, пошел от чудовища смрад разлагающихся тел, горящего человеческого мяса, крови, неубранных нечистот, перегара скверной местной водки.

Уставя вертикальный зрачок, чудовище рычит: гулко, свирепо, ненавидяще. В его реве слышен гул огня и плач бесчисленных вдов, крик детей, живьем сгорающих в церквах, вой посаженных на кол и запарываемых кнутами, стоны умирающих от ран.

Настанет страшный день – и оно прыгнет.

Несколько веков чудовище отрывало от Руси кусок за куском, жадно жрало и все росло – будто пучилось. Все громче и страшнее его рык, все большее пространство отравлено идущим от него смрадом.

Чудовище победило, разорвало на части, сожрало Русь, извратило ее по своему образу и подобию. Поэтому чудовище называется теперь Русью, Россией – по имени сожранных. Нравы чудовища именуются «исторически сложившимся типом общества», преступления чудовища – светлыми подвигами; в рычании и вое чудовища отыскивается необъятный космический смысл. Бросок чудовища на Русь, истребление и пожирание Руси теперь называется не нашествием Орды и не явлением на Руси Чуда-юда поганого, а «собираанием русских земель». Эта книга о том, как же и почему могло родиться и вырасти чудовище, подмявшее под себя несколько родственных стран: Русь, Литву и Польшу.

Знать и понимать это полезно любому россиянину: уже для того, чтобы уметь разделить – где тут наша великая и несчастная Родина-Русь, а где – косматый бок чудовища. Где звучит внятная человеческая речь, а где – рев Людоеда. Пусть каждый знает и сможет сознательно решать – быть именно ему частью тела Руси или встать на сторону Чудища Поганого.

Проблема слышимости

Все написанное в книге очень легко можно попросту не услышать. Самый лучший способ давно изобретен русской интеллигенцией. Способ прост – надо сказать громко и легко: «Да чепуху вы порете, батенька!» И улыбнуться, и пойти скушать еще бутербродик с семужкой, запить водочкой, а о неприятных и смущающих тебя делах – больше не думать.

Второй способ состоит в том, чтобы отрицать факты, которые тебе не хочется замечать. Что?! Великое княжество? Бред, не было такого княжества. Ах, все-таки было... Да?! Но тогда никогда оно не объединяло 85 % населения Руси. Не было этого! Ах, было... Ну тогда все равно все было иначе! Литовцы тут всех завоевали...

Недавно я общался с юношей, который все время ссылаясь на Карла Маркса, но категорически отрицал все тексты К. Маркса, которые его не устраивали. После этого чему же удивляться? Способ активно «работает».

Третий способ состоит в том, чтобы приписать автору какую-нибудь чепуху, а потом с ней «блистательно» бороться. Можно сделать вид, например, что автор сей книги – лютый враг города Москвы. Он москвитов не любит?! А вот у меня пять поколений предков в Москве жили!!! И все приличные люди, не то что противный Буровский! Это все провинциалы на Москву тявкают, а теперь еще и вот этот!!!

Недоуменный вопрос: а какое отношение имеет город XIX–XX веков к средневековому типу культуры? Какой смысл смешивать современную геополитику и инфраструктуру с явлениями и другой эпохи, и других областей жизни? Никаких, разумеется. Такие приемчики нужны только для одного: чтобы ни о чем не задумываться и возражать не автору, а собственным выдумкам.

У меня же нижайшая просьба... Я буду искренне благодарен за любую конструктивную критику. За любую. Но именно за конструктивную и честную. Попытку махать ручками, эмоционально ополчаться на факты, приписывать мне то, чего я не говорил (и не думал), будут рассматриваться как попытки оживить царя Ваську и Малюту-Гришку Скуратова. А это очень непривлекательные призраки.

Часть I

«Заколдованная» земля Северо-Запада

*Эти нищие селенья,
Эта бедная природа!
Край ты мой долготерпенья,
Край ты русского народа!*
Ф.И. Тютчев

Глава 1

В глухом и диком захолустье

*Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы —
Этим нечего хвалиться!*
Граф А.К. Толстой

Изучая явление, обязательно следует посмотреть на его происхождение. Откуда оно взялось, какие стадии своего становления прошло, как развивалось. Так мы поступили с Великим княжеством Литовским¹, так же и по тем же правилам рассмотрим и Великое княжество Московское. Чтобы изучить истоки такого явления, как Московия, нам предстоит более внимательно ознакомиться с тем географическим и культурным явлением, которое и породило Московию, – с русским Северо-Востоком.

На Северо-Востоке

На Северо-Востоке Руси – в Волго-Окском междуречье, в Поволжье, в глухих заволжских лесах – природа гораздо беднее, чем в княжествах Черной, Белой, Малой – Западной или Юго-Западной Руси. Дольше и злее зима, короче лето. В Закарпатье безморозный период длится порядка 230–240 дней в году. В Московской области – только 170.

Приходится гораздо серьезнее готовиться к зиме. Чтобы жить на Северо-Востоке, необходимы гораздо более основательные дома, больше теплой одежды, хорошая пища. Голодный человек рискует не выдержать морозов, даже если он хорошо одет.

Не случайно же именно здесь примерно в XV веке изобретают так называемую русскую печь. В такой универсальной печи можно готовить неприхотливую вареную еду – щи, пареную репу, кашу. Огромная печь долго отдает тепло, хорошо греет пространство избы. На плоской поверхности наверху печи можно спать. Там, наверху, тепло, даже когда дом остывает и по полу текут ледяные потоки из-под двери. Русская печь оказалась прямо-таки гениальным открытием. Без нее освоить пространства русского Севера, Северо-Востока и Сибири было бы куда труднее.

На Северо-Востоке природа небогата. Урожайность одних и тех же культур в Волго-Окском междуречье и на Киевщине различается в несколько раз. Чтобы получить такое же количество зерна, нужно больше земли. Весной надо будет вывезти больше посевного зерна и на большее расстояние. Раз земли нужно много – необходима рабочая лошадь, волю тут не

¹ Буровский А.М. Русская Атлантида. М., 2004.

годятся. Лошадь нужно тоже подкармливать зерном, пока она пашет или возит мешки с зерном на поле, осенью – с поля. Значит, приходится засеивать больше земли, ездить на большее расстояние...

Бедная земля быстро истощается. Значит, нужно вести подсечно-огневое или переложное земледелие, все время переходя с места на место. Или надо удобрять землю навозом. Без разведения коров, своего рода «навозного скотоводства», тут не может быть ни двуполья, ни трехполья.

Даже при трехполье маленькие деревушки будет окружать непроходимый лес. На Северо-Востоке Руси леса полностью не сведут никогда, и по самой простой причине – лес необходим как источник природных ресурсов, в том числе и пахотной земли. Уже распаханной может оказаться недостаточно.

Это имеет свои последствия не только для хозяйства, но и для души тех, кто населит такую землю. Естественные ландшафты – лес и степь, река и луга – останутся обычными местобитаниями для человека. Даже при высоком уровне развития цивилизации человек будет хорошо с ними знаком, потому что слишком многое придется брать в лесу. Человек на Северо-Востоке должен научиться много находиться в лесу, на реке и в лугах и должен уметь получать от этого удовольствие. Так англичанин должен полюбить вересковые пустоши, а норвежец – фиорды. В том, что не любишь, трудно жить.

На Северо-Востоке складывается общество, в духовной жизни которого природа, причем именно дикая природа, имеет колоссальное значение. Члены этого общества любят много времени проводить в природе, стараются как можно чаще там бывать. Чей образ жизни изначально организован так, чтобы они могли как можно чаще бывать в лесу, в поле, на реке. В решающие минуты жизни человек будет уходить в эти пустые пространства, «пустыни»: чтобы прикинуть к тому, что дает жизнь, побыть в здоровом, «правильном» месте и тем исцелить душу, успокоиться. И просто для того, чтобы побыть одному, уйти от скопища людей в переполненных избах, подумать, прислушаться к себе.

В лесу встречаются влюбленные, в лес ведут детей, в лес уходят отшельники и аскеты, размышляющие о смысле жизни и прочих важнейших предметах. «В ельнике давиться, в березняке жениться, в сосняке трудиться». Как видно, русская пословица хорошо знает, что где следует делать.

В лес тянет в любой ситуации душевного разлада, стресса, крушения.

«Унесу скуку в дремучие леса», – поет девушка, которую бросил любимый.

В лес хочется и на верхнем витке эмоциональной разрядки, радости, веселья, буйства.

Я рвался на природу, в лес,
Хотел в траву и в воду, —

свидетельствует Высоцкий, которого бес поводил «по городу Парижу». Не всем такая склонность понятна, и об этом тоже у Высоцкого:

Но это был французский бес,
Он не любил природу.

Не все хотят уйти в естественные ландшафты в такого рода случаях жизни, и это касается не только французов. Русские часто удивляются, обнаружив, что вьетнамцы, индусы или китайцы мало эстетизируют дикую природу, мало ее любят, для них не очень важно бывать в лесах и лугах.

Зато с монголами, тибетцами, жителями Центральной Африки русскому человеку найти общий язык довольно просто. Из европейцев – со скандинавами, у которых лугов и фиордов

еще много и которые любят там бывать. С латиноамериканцами. С жителями США – не с «эмигрантами третьей волны», конечно же, а с коренными «штатниками», с «белыми протестантами англо-саксонского происхождения». У них земли всегда было много, они очень любят пикники.

Вторая важнейшая особенность Северо-Востока – континентальность. Чем дальше на восток, дальше от океанов – тем короче осень и весна. Даже на севере Франции сельскохозяйственный год длится девять месяцев в году. Но при этом весна продолжается два месяца и столько же осень. Тепло и наступает и отступает медленно, постепенно. Не зря же именно из Франции идет демисезонная одежда. Демисезонная... от слова «де-ми-сезон» – между сезонами. Одежда на то время года, когда нет ни зимы, ни лета. Одного нет уже, другого – еще.

На востоке Германии зима продолжается уже пять месяцев; сельскохозяйственный год сворачивается до семи, а продолжительность весны и осени существенно уменьшается.

На Северо-Востоке Руси зима продолжается добрых полгода, на севере даже дольше; а весна и осень так коротки, что реальна опасность не успеть с посевом хлебов или с уборкой урожая. Значит, работа на рывок. Тем более тяжелая работа, что вывозить на поля нужно больше зерна, а вспахать и засеять нужно большие площади, чем в любом уголке славянского мира (ведь земли нужно много, а урожайность низка).

Складывается традиция работы на рывок, бешеной «вкалки» без сна и еды, до седьмого пота. Отчаянной гонки за просыхающей землей, за стремительно надвигающимся, наступающим на пятки летом. Лето ведь короткое, и если опоздать с посевом, можно не получить урожая.

Такой же аврал – и при уборке урожая. Только вызрели, склонились хлеба – и тут же может ударить мороз, пойти снег. Или зарядят дожди, постепенно переходящие в снежно-водную ледяную жижу. Убирать урожай надо быстрее!

...А после того, как рывок сделан, можно жить спокойно: и летом, после посева, и тем более зимой, собрав урожай. Сельскохозяйственный год состоит из коротких суматошных рывков и длинных спокойных периодов, в которые решительно ничего не происходит. Перемежаются, сменяют друг друга периоды интенсивнейшего труда и полного ничегонеделания.

Это тоже отражается на народном характере. Те, кто организует сельскохозяйственный год в режиме труда «на рывок», с большой вероятностью так же построит и собственную жизнь, и жизнь общества. Вообще всякое бытие увидится человеку как соединение рывков, сверхусилий, когда «рваться из сил, изо всех сухожилий» не только правильно – это вообще единственный возможный способ действовать. А раз так – в жизни человека естественным образом чередуются периоды, когда он «до смерти работает, до полусмерти пьет» (например, делая рощище в дремучем лесу, под новые поля и новую деревню), и периоды, когда он решительно ничего не делает, кроме самого необходимого. Своего рода «жизнь на рывок», или «судьба на рывок».

Но так складывается и история общества – «история на рывок». Сверхусилие совершается уже не индивидуально, в частной судьбе, а коллективно, в истории общества: деревни, общины, семьи, государства. Идет война, переселение, освоение новых земель, нашествие, отражение набега, тушение пожара. Каждый должен принять участие в сверхусилии, в «рывке». Каждый оценивается по своей способности совершать такой «рывок». Общественная мораль высоко оценит тех, кто сумеет выплеснуть как можно больше энергии и в как можно худших условиях, кто полнее отдастся общему порыву, кто умеет не жалеть ни себя, ни «противника», кто сумеет возглавить, организовать всеобщий «штурм и слом». Осудят скорее того, кто не пойдет на штурм вместе со всеми, пойдет недостаточно энергично, проявит меньшую, чем другие, ярость, непреклонность, отчаянность.

Ценность человека вообще будет определяться способностью совершать сверхусилия и рывки такого рода или участвовать в них. Молодой мужчина просто не может не искать воз-

возможностей поучаствовать в таких «рывках». Угодившие в них считаются уже проверенными жизнью, и те, кто хорошо себя повел, сразу признаются взрослыми мужчинами. А кроме того, после удачного «рывка» «появляются» новые земли, делится добыча. Вчерашний малец, чужой птенец, превращается в одночасье в почтенного собственника.

Вспомним героев все того певца рывка, сверхусилия, риска, жизни на пределе физических и психологических возможностей – Владимира Высоцкого. Его герои, даже совсем не уголовные, вроде бы вполне приличные люди, просто поразительно «криминогенны». Жаждающие сверхусилий, сверхнапряжения, плачущие о том, что родились «поздно», война уже кончилась, и «не досталось им даже по пуле», они словно несут в самих себе несчастье, криминал, гибель, мрак. Они хотят, чтобы сделанные в «ремеслухе» ножи

Вонзились в легкие,
От никотина черные
По рукоятки легкие,
Трехцветные, наборные.

Чтобы случилось нечто и чтобы потом десятилетиями вспоминать, как

Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: «Пособи!»

Чтобы:

И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.

А потом, что характерно, наступает период полного покоя, когда герой ничего уже не хочет, ничего ему не надо. Годы, даже десятки лет, тянутся разве что протапливания баньки по-черному и по-белому, воспоминания, попытки «гнуть пальцы», третировать «менее опытных», истерично-агрессивные алкашеские вопли в духе

Ты не видел Ногайскую бухту, дурак ты!
Залетел я туда не с бухты-барахты!

Или

Который в гетрах, давай на спор:
Я на сто метров, а ты в упор.
.....
Ведь ты же на спор стрелял в упор,
Но я ведь снайпер, а ты тапер!

Агрессивность невероятная и вроде бы психологически совершенно не обоснованная, никакими внешними обстоятельствами. Тоска героев Высоцкого по войне, по смертельному риску, по кровавому поту... И тут же противовес – готовность сразу после сверхнапряжения – «расслабляться»; по существу дела, вообще не жить, а только скулить и пьянствовать в перерывах.

Жизнь его героев примечательна только этими короткими «рывками», только в эти краткие минуты душевного и физического самоубийства что-то вообще происходит. Это очень

национальное, очень «москальское» явление. Великороссы сделали Высоцкого своим культовым поэтом и певцом, но другие славянские народы, даже близкородственные великорусам украинцы и белорусы, относятся к Высоцкому гораздо прохладнее. Не то что не любят... Но и не культовый он у них. Высоцкий говорит великороссам что-то страшно важное, интимное. Что-то такое, чего нет в психологии соседей.

Славяне легко переходили на восток, в малонаселенные земли. У соседей Великороссии настал момент, когда переходить стало некуда. А Северо-Восток Руси остался единственной из славянских территорий, которая так никогда и не перестала быть «разомкнутой» на востоке. Урал и Сибирь так громадны, что это исключало опасность – в один прекрасный момент исчерпать потенциал дикой природы и ее даровых ресурсов.

В XII веке было населено в основном Волго-Окское междуречье, а заволжские леса оставались для русских «безлюдными» (хотя там и жили финские племена). В XIV же веке за Волгу устремляется очень большой поток переселенцев. В те времена не вели подробных подсчетов, даже существовавшие архивы до нас почти не дошли, но большинство ученых считают – только меньшая часть населения Северо-Востока жила в Волго-Окском междуречье, в пределах досягаемости князей Владимира, Суздаля и Ростова. На этой территории господствует двухполье и трехполье, а земледельцы платят князю налоги. Но большая часть населения Северо-Востока и в XIII и в XIV веках вела подсечно-огневое земледелие и жила фактически вне зоны досягаемости княжеской власти. Вот он, славянский Восток!

В Московии, как это и должно происходить на славянском востоке, крайне долго переживались и самые отсталые формы хозяйства, и самые примитивные, везде уже изжитые формы культуры.

В Московии в Заволжье, в Предуралье подсечно-огневое и переложное земледелие господствовало до XV века. Исчерпав возможности переложного земледелия, все территории Московии перешли к классическому типу хозяйства – трехполью с навозным удобрением. Почвы были малопродуктивны. Есть много свидетельств тому, что коров держали не на мясной или молочный скот, а в первую очередь для получения основного удобрения – навоза.

Мало того, что этот тип ведения хозяйства тоже не давал особых возможностей для развития. И в XVI–XVII вв., и даже в XVIII–XIX вв. по-прежнему не было необходимости в интенсификации хозяйства. Можно было просто перенести привычные формы хозяйства на почти не населенные, практически не освоенные пространства востока и северо-востока – в первую очередь Приуралья и Сибири.

В результате многих вопросов развития «как будто» можно было и не решать. Древние уравнилительные принципы постоянных переделов земли, отказ закреплять землю в пользование отдельных семей и частных лиц, абсолютное господство коллективного землевладения были возможны... Ровно потому, что не было действительно острой необходимости получать все больше продукции с тех же или даже меньших площадей. «Избыточное» население всегда могло «выселиться» на еще свободные земли.

Переселенческая политика П.А. Столыпина показывает, насколько серьезно относились к идеям «земельной тесноты» и переселенчества во всех слоях русского общества. Даже культурнейший, образованнейший представитель придворных и правительственных кругов, проводивший политику передачи земли в частные руки, развала общины и модернизации всего русского общества, считал жизненно необходимым дополнять эту политику облегчением переселиться на «свободные» земли для тех, кого его же политика лишала прежнего места в жизни. То есть, помимо необходимости трудиться интенсивнее, искать новые социальные и экономические ниши, столыпинская политика одновременно давала возможность избежать этих трудных, неприятных действий и просто переносить привычные формы хозяйствования и жизни в Сибирь и на Дальний Восток.

Приходится признать, что невероятно долго сохранявшиеся, дожившие до XX века установки на экстенсивное природопользование вовсе не свойственны западным украинцам-волынянам. Но зато очень свойственны великороссам.

На Северо-Востоке Руси волей-неволей приходится быть коллективистом. Уже потому, что в континентальных областях начинается зона рискованного земледелия. Бешеная работа «на рывок» ведется без гарантированного результата, и в любой год может «хлопнуть» неурожай.

Неосвоенные и мало освоенные земли физически недоступны одному человеку, даже семье. Чтобы прорываться в земли, населенные угорскими охотниками, поднимать целинные земли, а потом отбиваться и от муромы, и от татарских набегов, приходится действовать сплоченной группой, не расчлененной на индивидов. Взаимовыручка, взаимная поддержка были везде; вопрос, в каких соотношениях с ценностями индивидуализма. На Северо-Востоке баланс был один, в пользу общины. На Киевщине, тем более на Волыни, – совсем другой.

Поднимать целинные и залежные земли было под силу большесемейной общине. Жена-тые братья в такой общине не расходились и не начинали вести отдельные хозяйства. Десятки людей, несколько взрослых мужчин со своими сыновьями, жили вместе, во главе с дедом – большаком. Большак оставался непререкаемым авторитетом при распределении работы, при разделе ее результатов. Он же отвечал за всю семейную общину перед властями.

Большесемейная община была удобна и властям. Через глав общин, большаков, гораздо легче было управлять людьми, чем имея дело с каждым работником по отдельности.

Групповщина, идеализация жизни в «обществе»; требование от индивида отказаться от развития своей личности, от экономической и социальной самостоятельности во имя жизни в коллективе. Культивирование общинных ценностей и представлений; глубочайшее недоверие к индивидуальности. Неодобрение, насмешливость к любым проявлениям «самости». Стремление любой ценой доказать «неправоту» всякого, кто пытается жить не в группе. Мстительность, злоба по отношению к «предателям», которые все-таки выломились из общины, – все это естественнейшие черты общественного мировоззрения; они просто не могут не сложиться.

Северо-Восточная Русь исходно оказывалась некой мировой провинцией. Не «провинцией Руси», а именно провинцией мировой, цивилизационной. Слишком долго надо было идти в глухие леса Волго-Окского междуречья, слишком далеко находились любые центры цивилизации от Владимиро-Суздальского княжества. Это было свойственно уже Киевской Руси, на Северо-Востоке черты изоляции, провинциальности умножились многократно.

Ведь Северо-Восток Руси поневоле имел дело не с центрами иных цивилизаций, а с их перифериями. Не с Римом, а с Вильно; не со Скандинавией, а с Новгородом; не с Византией, а с Юго-Западной Русью, в лучшем случае – с Болгарией.

Качество таких контактов, конечно, оставляет желать лучшего при совершенно любых поворотах истории, при любой интенсивности взаимного влияния. Но и сами контакты с внешним миром, пусть с периферией цивилизаций и стран, практически прерываются после нашествия монголов.

С конца XIII века Северо-Восточная Русь словно бы выпадает из европейской истории, из поля зрения европейских историков, политических деятелей, писателей.

Контакты с Западной Русью и с Новгородом у Европы вовсе не прервались. После Крестовой унии Великого княжества Литовского и Польши в 1385 году такие связи стали много интенсивнее и крепче, чем раньше. Русских все лучше узнавали в Европе. Но Северо-Восточная Русь прервала контакты и с Западной и с Юго-Западной Русью. Чем дальше, тем больше Московия впадала в самолюбование, своего рода спазм самодостаточности, исключающее возможность нормальных контактов.

И еще одно... Если население редкое, информация передается медленно. Многие жители Волго-Окского междуречья в XII веке, заволжских лесов в XIV веке видели других людей раз

или два раза в год, живя практически в полной изоляции от всего мира. Даже самые важные события тогдашнего мира доходили до них с большим опозданием, и к тому же могли и не иметь большого значения для этих людей. Ни от того, что галицкий князь Роман отбил монгольскую орду в 1254 году, ни от захвата монголами Киева в 1240 году, ни от заключения Кревской унии в 1385 году в их жизни не изменилось решительно ничего.

Аналогии очевидны: так, для жителя США или Австралии ничего не менялось от того, что пруссаки в 1870 году победили французов или что Британия и Англия составили военный союз. Урожай кукурузы для жителя штата Айова и качество овечьего руна в колонии Виктория оставались важнее далекой, никак не сказывающейся на жизни политики.

Провинциальность Северо-Востока имела сразу два достаточно неприятных следствия: во-первых, отставание Северо-Восточной Руси от остальных стран и Европы, и Азии. Этому способствовал и монотонный, везде одинаковый ландшафт, и переживание древних форм ведения хозяйства и общественной жизни, исчезнувших в других местах. Но не только! Изоляция очень мешала Северо-Востоку Руси просто хотя бы понимать, что же вообще говорит «другой», не навязывать «другому» собственные представления. Для понимания нужен хоть какой-никакой культурный уровень, а его-то порой и не хватает;

во-вторых, этноцентризм, переживание племенной ограниченности. Если себя не с кем сравнить, «свое» начинает казаться чем-то единственно возможным, само собой разумеющимся, свойственным всем людям и так далее.

В этих условиях могло произойти только одно: любые идеи, любые духовные ценности, пришедшие из других стран, должны были преобразоваться в соответствии с местными ценностями и установками. Ведь влияние внешнего мира все равно очень невелико; так, вроде еле уловимого ветерка. В результате все, что приходит извне, чаще всего становится только формой, в которой суть – это местные представления. Эти местные ценности все время могут менять внешние проявления, принимать другую форму, но по существу они от этого не изменяются.

Большесемейная община может считаться удобной местным богам, а может рассматриваться как идеал удобного христианскому Богу соборного общежития... Ну и велика ли разница?

Особый тип славянской культуры

На Северо-Востоке возникает своеобразный вариант славянской цивилизации, малопохожий на другие. Здесь формируется, если хотите, особый тип человека – воспитывается россиянин, мировоззрение и мироощущение которого сильно отличается от мировоззрения его собрата из Киевщины или Волыни.

Попробую привести в систему и последовательно показать хотя бы основные черты этого «северо-восточного» мироощущения.

1. Во-первых, это расточительность. Готовность расточать и природные ресурсы, и человеческие, и в природе, и по отношению к самим себе, и к обществу.

В обществе, где главное – владеть природными богатствами, тот, кто расточает, бросает без толку, портит, кто владеет и не использует, – богат. Так было везде, и у индейцев Северной Америки было даже специальное название для пира, на котором не столько едят и пьют, сколько показывают друг другу, сколько могут перепортить и расточить: потлач. На потлаче рубили топорами целые, только что сделанные лодки, выбрасывали в реку новые одеяла и рубахи, сжигали муку и копченое мясо: чтобы все видели – я это могу!

Всякий, кто бывал на русской свадьбе, не усомнится – элементы потлача есть и в нашем празднестве! Избыточный, безумно расточительный, многократно перекрывающий удовлетворение любых потребностей пир должен показать всем: вот, мы богатые, мы это можем!

При этом демонстрация даже самой разумной бережливости, трудолюбия, умения сохранить материальные ценности кажется этим людям чем-то почти что безнравственным.

Северо-Восток Руси расточителен и в отношении природных ресурсов. Проявляется это так широко, и можно привести столько примеров, что остановлюсь только на одном, зато ярком. В России-Московии до сих пор строят дома из круглого леса. Эта расточительная привычка так обычна, так естественна для россиянина, что он способен искренне недоумевать: а что, бывает по-другому?! Бывает.

В Китае строить из круглого леса перестали еще во времена Конфуция. В Японии леса шумели еще в конце Средневековья. Сохранилась очаровательная легенда о том, как при строительстве дворцов в городе Киото, в VIII веке, придворные дамы остригли волосы, чтобы сделать из них канаты, подтягивать бревна на высоту: обычные веревки рвались от несусветной тяжести. Но и в Японии века с XV из круглого леса не строят.

В Западной Европе уже в XIV–XV веках перешли на более аккуратную, менее расточительную технологию.

Восточная Европа – единственный регион Земли, где из круглого леса строят после XV века, а Русь – после XVIII.

Так же точно расточителен россиянин и в отношении собственных талантов и способностей.

Нельзя сказать, что он равнодушен к таланту вообще. Нет, конечно. Скорее россиянин восхищается им точно так же, как и всякий другой человек. Но восхищается им, радуется ему – природному.

Талант хорошо иметь, но развивать его, использовать его – необязательно, и даже нежелательно. Тот, кто слишком уж бережно относится к своему таланту, холит его, боится потерять, обязательно вызовет недоброжелательное, насмешливое отношение. А уж тот, кто потребует от окружающих... нет, не потребует, это вам не Европа и не Япония. Тот, кто захочет, чтобы его способности давали ему какое-то преимущество, могли бы его кормить, вызовет уже не насмешку, а настоящую тяжелую злобу. «Что, умный сильно?!» «Умнее всех быть хочешь?!» И прочие сентенции, которые в более счастливых странах услышишь разве что на Дворе отбросов или на Дворе чудес. Психотип уголовного или люмпена на Северо-Востоке Руси может проявиться и у верхов общества.

Приумножать природный талант для россиянина – это даже как-то нечестно. Это какая-то попытка выделиться, обогнать кого-то, сделаться «лучше», и к тому же «неправильным», нечестным путем – не за счет того, что и так, само собой дано, а за счет собственного труда.

Раз беречь талант глупо, трудиться над ним, совершенствовать его – аморально, то и уважается не тот, кто совершенствует данное ему от Бога. А тот, кто владеет, и независимо от того, насколько умно распорядился. А тот, кто владеет и расточает, – это вообще прекрасный, в высшей степени «правильный» человек. Не случайно же русская литература полным-полна очень положительных, сочувственно подаваемых пьяниц – причем богато одаренных от природы. Из зрелища гибнущего таланта россиянин извлекает, похоже, столько же положительных эмоций, сколько индеец – из зрелища горящей лодки или выброшенной в реку муки.

Россиянин последовательно расточителен и в отношении возможностей. Ему и непонятно, и неприятно, что надо уметь «ловить волну», видеть благоприятное стечение обстоятельств, использовать случай. Точно так же, как больше всего уважается тот, кто владеет талантом, но его не развивает, наиболее уважаем тот, кто обладал возможностями самосовершенствования, накопления богатств или политической карьеры, но никак их не реализовал. Как герой В. Шефнера бросает вдруг поступать в институт, лишь бы быть поближе к любимой девушке. И девица считает жертву такого рода не признаком того, что парень сильно ушибся головой, и все остальные герои относятся к шизофреническому поступку более чем лояльно.

И читатели, наверное, тоже, ведь парень продемонстрировал: своими талантами он готов потереться. Значит, его поведение соответствует культурной норме².

Как личность расточительна в отношении своих возможностей, так же расточительно и общество в отношении своих. И в отношении материальных ценностей, и в отношении жизней и судеб отдельных людей. Действительно, зачем беречь жизни и судьбы людей, если они ничем не отличаются один от другого, а самореализация каждого – почти что аморальна?!

Сохранилась история, одна из тех, в подлинности которой трудно быть уверенным. 1703 год, штурм Нарвы. Перед каждым проломом в стене – груды трупов – гвардейцев Петра. Многие Петр знал лично, со многими был дружен. И Петр заплакал, глядя на эти еще дымящиеся груды мертвецов. Борис Петрович Шереметев подошел сзади, положил руку на плечо царя – пятидесятилетний приласкал тридцатилетнего: «Не плачь, государь! Что ты! Бабы новых нарожают!»

Комментариев не будет.

2. Итак, ценится не созданное трудом, а обладание чем-то природным. Обладать чем-то природным – это ценится высоко! И в то же время поразительно малое значение придается труду.

Природное, натуральное – ценнее и важнее созданного человеком. Поэтому все, связанное с пассивностью, с экстенсивным отношением к действительности, положительно эмоционально окрашено, оно высоко ценится в обществе.

«Простой человек» – это у нас до сих пор звучит как комплимент. Как раз интенсивно жить – это по российским понятиям глубоко неправильно. «Деловой!» – слово вполне определенно отрицательной окраски. Оценивая кого-то как «делового», россиянин обычно укоризненно качает головой.

3. Режим сельскохозяйственного года заставляет работать на рывок.

Такой режим труда вообще очень уважается и ценится уже и в тех сферах, где труд вполне можно распределить равномерно. Сколько насмешек вызывает у россиян привычка работать по часам, ритмично отдыхая или обедая в точно установленное время!

Россиянин до сегодняшнего дня неколебимо уверен, что все можно решить через безумный рывок. Что отставание по времени, утраченные возможности, сделанные глупости могут быть и невозможны. Ничего! Сделаем рывок – и все в порядке! Россиянина крайне трудно отвлечь от любого, самого пустого развлечения потому, что «пора работать». И не потому, что он ленив. Он уверен, что наверстает упущенное во время рывка, а осуждается как раз «деловой» и «гоношистый» человек, который разбивает компанию, суетится и мешает остальным пить чай и курить, чтобы идти работать.

На рывок работать невозможно везде, где необходима строгая технологическая и исполнительская дисциплина. И потому все наукоемкие технологии и сложные производства вызывают внутренний протест, эмоциональное осуждение россиянина.

Из традиции работы на рывок вырастает и судьба, индивидуальная жизнь на рывок. То, о чем мы говорили, анализируя тексты Высоцкого.

Вся жизнь общества – на рывок. И государственная жизнь. Сама история – на рывок. История делается на рывок людьми, живущими как в затяжном прыжке, работающими по 20 часов в сутки, не видящими неделями собственных детей и органически неспособными понять, что они обедняют самих себя, собственную жизнь.

Выдумка большевиков? Но таковыми были и сподручные царя Ивана Грозного – самого русского, самого православного царя за всю историю Московии. И Петра I. И очень многие соратники Александра I и Александра II.

² Шефнер В. Запоздалый стрелок, или Крылья провинциала // Шефнер В. Скромный гений. М., 1997. С. 23.

4. Неизбежным следствием изоляции страны и переживания всего, умершего в других странах, становится архаика. Русский Северо-Восток – невероятно отсталый регион славянского мира. Племенные мифы, племенные представления, давно умершие в других местах, здесь «благополучно» сохраняются так долго, что начинают уже казаться не признаком отсталости, а проявлением некоего национального духа, культурной специфики или «загадочной русской души».

Россиянин и в XVII, и в XIX, и даже в XX веке культивирует представления о том, что человек «должен» входить в некую общность, что находиться вне общности «неправильно» и едва ли не аморально. Он намного сильнее европейца, что человек и оценивается по тому, к какой общности принадлежит и какое место в ней занимает.

Реально россиянин даже в XIV, не говоря о XVII, веке живет в мире сущностей, несравненно более сложных, чем род и племя. Получается, что его племенные представления естественнейшим образом переносятся на государство, религию, народ, на государственную политику и на отношения людей. Даже иноземцев судят по тому, насколько они хороши по представлениям родо-племенного общества.

«Хорош» и в XVII веке оказывается только тот, кто умеет вести себя по нормам времен вторжения франков в Галлию, взятия славянами Топера и вандалов, срывающих в Риме с храмов позолоченную черепицу.

5. Еще одна важнейшая особенность, без которой трудно понять Северо-Восток, – это его провинциализм. Когда у людей нет реального представления о происходящем в мире, о его масштабах и о действительно важных событиях, представления о самих себе, говоря мягко, искажаются.

В одном из писем к первому президенту США Георгу Вашингтону, если не ошибаюсь, в 1777 году, некто писал: «Весь мир с нетерпением следит, продадите ли вы акции этой компании!»

На русском Северо-Востоке так же наивно были уверены, что «весь мир» только и делает, что следит, как поступит один князь (чаще всего – еле заметный князек) по отношению к другому или какие важные для всего человечества решения примет вече города или городка. Воистину, «весь мир следит за тем, будете ли вы брать по одной или по две беличьи шкурки с воза товаров!».

Забавно, но и по сей день многие жители Российской Федерации свято убеждены, что в их стране происходит нечто невероятно значимое. А на попытку показать им истинное место Российской Федерации в современном мире (что поделать? Очень скромное место) они реагируют чисто эмоционально: уходом в истерику, в «дурное расположение духа» или в прямую агрессию.

Эти люди толком не знают всего остального мира, за пределами своих единоплеменных лесов, и с легкостью необычайной приписывают ему самые невероятные вещи. Так средневековые географы, несколько веков отрезанные от всего мира, кроме закоулков родной Баварии или Аквитании, непринужденно рисовали «живущих» в Африке лемний с глазами на груди, обитающих на Северном полюсе одноногих людей, копающих индийское золото «муравьев ростом с большую собаку», столь замечательно описанных Хоттабычем в его гениальной сказке для пионеров³.

Но ведь такими же фантастическими представлениями о внешнем мире жила Московия и после того, как весь мир уже вышел из Средневековья. «Говорят, такие страны есть... где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой – салтан Махнут персидский; и суд творят... они надо всеми

³ Лажечников И. Старик Хоттабыч. М., 1958.

людьми и что ни судят они, все неправильно. И не могут они... ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. А дальше земля есть, где люди с песьими головами...»⁴

У меня нет причин сомневаться, что такого рода диалог полуграмотной странницы Феклуши и сенной девушки Глаши был вполне возможен. А.Н. Островский всегда точен в своих описаниях и вовсе не возводит напраслины на своих кошмарных героев. Стоит только вспомнить, что волжские купцы XIX века – современники героев Жюль Верна и Фенимора Купера.

Впрочем, самые фантастические представления о внешнем мире были обычны и для полуизолированного СССР. В 1989 году многие, и не только деревенские бабки, кинулись раскупать соль и спички: «Германия соединяется! Как соединится – война будет!» Какое анекдотическое представление должно существовать о ФРГ в головах этих людей, всерьез ожидавших войны! Как далеки их бредни от сколько-нибудь реальной картины.

Так же анекдотичны порой и представления москвитов о том, что же лежит в основании современной им культуры Запада и Востока. Уже в конце XX века Карен Хьюит вынуждена была написать книгу специально для «советских» людей; объяснить, что Запад – это вовсе не те глупости, которые они про Запад напридумывали⁵.

Точно так же, разумеется, не ведают они и Востока, и только свои предельно невежественные оценки кладут в основу представлений: «Восток» это или «Запад» проявляется в их жизни?

Без этого провинциального невежества, вызванного оторванностью от центров цивилизации, нам не понять Северо-Востока.

Если знать природную обстановку, в которой развивается цивилизация, и знать особенности мировоззрения тех, кто ее создает, можно довольно точно предсказывать «поведение» самой цивилизации. Чем будет эта цивилизация для самих ее создателей? Для соседей? В какую сторону пойдет ее развитие?

Попробую привести особенности «Северо-Восточной» цивилизации в виде нескольких пунктов... просто чтобы упорядочить материал.

1. Во-первых, это будет цивилизация, в основу которой лягут очень архаичные, пережиточные формы культуры.

По неизбежности, независимо от своего желания, эта цивилизация будет ориентироваться на экстенсивные формы развития, на общинное сознание, на групповые формы поведения людей.

В этой цивилизации племенные мифы будут переживаться очень долго, а мифологические представления о самих себе будут культивироваться. Всем окружающим народам эти архаичные мифы будут навязываться и силой убеждения, и силой оружия.

Племя не знает, да и не желает знать, как оно выглядит со стороны. Для племени ценно только то, что само племя изволит считать истиной. Эта истина в последней инстанции будет предъявлена всему миру, а множество юношей и молодых мужчин будут готовы умирать, чтобы заставить окружающих принять их племенные ценности как единственно возможные.

2. Цивилизация будет ценить отделенность от «других», изоляцию, отсутствие любых контактов с «не своими». Даже принужденные жизнью к теснейшему общению с «другими», представители этой цивилизации будут нуждаться в «отходе», в прекращении контактов, во вдумчивом погружении в «свое», в традицию. Хотя бы часть своего времени жизни самые знатные, самые элитные носители этой цивилизации будут тратить на уход в привычные ландшафты (в первую очередь – в лес), на ведение привычного образа жизни.

⁴ Островский Н.Н. Гроза // Островский Н.Н. Собр. соч. М., 1956.

⁵ Хьюит К. Понять Британию. М., 1993.

3. Какие бы заимствования из внешнего мира ни перенимала Северо-Восточная Русь, она неизбежно обречена на выращивание собственных версий любой заимствованной культуры. Католицизм, православие, ислам – все переплавится в этой изолированной от прочих цивилизации, сквозь любую идею прорастет местная традиция Северо-Востока.

4. Вполне очевидно, что на Северо-Востоке может родиться только цивилизация, чья история пойдет на рывок. Эта цивилизация постоянно будет делать сверхусилия, вплоть до полного расточения своих сил и возможностей, а потом спокойно жить неограниченно долгий срок.

Причем на все внешние воздействия, по крайней мере на достаточно сильные, такая цивилизация будет реагировать в основном новыми рывками – хорошо, если в мирном строительстве.

5. Эту цивилизацию почти невозможно завоевать: врагу жители Северо-Востока Руси всегда противопоставят очередной рывок – только на этот раз военный. Множество людей проявят исключительное мужество, даже героизм, колоссальную самоотдачу, готовность совершать устрашающие и восхищающие сверхусилия.

Если враг и ворвется на Северо-Восток, он окажется в малонаселенной бедной стране с суровым климатом. Здесь трудно прокормить большие армии, рано наступает зима, результаты завоеваний не особенно окупаются. А население и после поражения своей армии продолжает совершать сверхусилия в партизанской борьбе. В общем, невеселая картина.

6. Эта цивилизация всегда будет опасной для соседей. Уже потому, что при своем упорном массовом героизме, упертой готовности выкладываться до предела ее жители – просто идеальные солдаты. Они неприхотливы и довольствуются совсем немногим. Они отчаянно храбры в атаках, крепко-упорны в обороне. Они мало берегут и самих себя, и противника, готовы жертвовать намного большим, чем солдаты врагов, и притом их нельзя назвать ни маниакально жестокими, ни злобными.

Глава 2

Русь на Северо-Востоке

*И с честной поссоритесь вы стариной,
И предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: «Станем к варягам спиной,
Лицом обратимся к обдорам!»*
Граф А.К. Толстой

Рост Северо-Востока

Ростов Великий, Ростов с выразительным названием Залесский – единственный по-настоящему старый, упоминаемый в летописях под 862 годом город Северо-Востока. Вообще же места к северо-востоку от Оки лежали дикие, «непроезжие» и «непрохожие», а страшные муромские леса, полные диких зверей и нечистой силы, вошли в пословицу. В X веке наметилось переселение на Северо-Восток, в междуречье Волги и Оки. Не куда угодно, а на так называемые ополья: загадочные области распространения черноземов. Происхождение ополей до сих пор совершенно неизвестно и необъяснимо, но предки вряд ли задумывались о естественной истории ландшафта.

Ручеек переселенцев быстро растекся по опольям и начал перехлестывать в Поволжье, по рекам бассейна Волги. Еще в XI веке на Северо-Востоке славян меньше, чем финно-угров из племени меря! Стремительный рост населения, рост городов, ассимиляция меря...

Ярославль основан в начале XI века Ярославом Мудрым.

Суздаль впервые упомянут в летописи под 1024 годом.

Владимир основан лишь Владимиром Мономахом в 1108 году, в глуши диких, неосвоенных лесов. Мономах в своем «Поучении» с особым удовольствием упоминал, что прошел «сквозь вятичи».

На месте Москвы до 1147 года было село с укрепленным двором боярина Кучки. Может быть, Кучка был и хороший человек, но ни сам он, ни его предки или потомки никак не прославили себя ни в каких областях: ни в делах государственных, ни в науках и искусствах, ни в ведении военных действий. Так, некий первобытный боярин, сидевший всю жизнь за неперелазным дубовым тыном. И вся территория Северо-Востока такова же. Боярин Кучка – живой символ своей земли.

В X веке на Северо-Востоке было только одно княжество: Ростовское, с XI века – Ростово-Суздальское, и столица его была в Ростове.

По завещанию Ярослава Мудрого Северо-Восток достался Всеволоду, от него Мономаху. С 1093 года Мономах сажает Юрия уже не в Ростов, а в Суздаль.

В 1155 году Юрий Долгорукий добивается киевского престола и перебирается в Киев. Само прозвище князя отражает отношение к Северо-Востоку – в XII веке Суздальское княжество оставалось дальней диковатой периферией. Если он захватил Киев – далеко же протянулись его руки! Из-за муромских лесов с соловьями-разбойниками, из-за болот с кикиморами.

И более поздние князья Северо-Востока сохраняют длинные руки. Сын Юрия Долгорукого Всеволод Большое Гнездо сажает на престол даже князя Галича Владимира Ярославовича, переписывается с византийскими императорами и с германским императором Фридрихом Барбароссой. Другие князья называют его «господином», его волю выполняет даже киевский митрополит.

Юрий Долгорукий и его сыновья, сначала Андрей, потом Всеволод, правят в местах, где сто лет назад между редких деревень бродили медведи и лоси. А командуют чуть ли не всей Русью! Взрывообразный, невероятный рост за каких-нибудь полтора века.

Возникает естественнейший вопрос: а почему вообще на северо-востоке зреют такие мощные силы?

На этот вопрос я в состоянии дать только один ответ: а потому, что на Северо-Востоке всегда очень много новых природных ресурсов. Границы Юго-Западной, Южной и Северо-Западной Руси неизменны всю их историю, с VIII до XIX века. Галицкие князья в начале XIII века делят и переделывают ту же самую землю, что была у них и в XI веке, и в X. В точности как французские и английский феодалы.

А Северо-Восток постоянно растет, прирастает, двигаясь на восток – пока только за счет освоения Волго-Окского междуречья. К XIV–XV векам, во время возвышения Москвы и превращения Северо-Востока в Московию, наступит время Поволжья и Заволжья. С XI по начало XVI века Северо-Восточная Русь (к тому времени уже Московия) увеличивается в размерах в несколько раз. А восточные пределы все еще распахнуты, и наступает время освоения Заволжья, Приуралья, Башкирии. К концу XVI века русские начнут осваивать Урал, открывая дорогу на Сибирь.

Это, конечно же, только экстенсивный рост. Но этот экстенсивный рост так стремителен, что позволяет Северо-Востоку расти, крепнуть, накачивать экономические и военные мышцы значительно быстрее, чем благодатному Юго-Западу и динамичному, активному Северо-Западу.

Здесь всегда есть место для новых поселенцев, есть природные ресурсы для строительства городов, снаряжения армий, для ведения активной политики.

Традиции тут слабы: значит, есть место для появления новых политических традиций.

Реализованное честолюбие

В 1155 году князь Андрей Боголюбский самовольно покидает город Вышгород, выделенный ему отцом на Юге Руси. С точки зрения князя, на Юге было слишком шумно и неспокойно, не то что на Северо-Востоке. В 1157 году умер отец, Юрий Долгорукий, и он, старший сын, сделался князем в Ростове.

Княжение Андрей Боголюбский начал с того, что выгнал из Ростова младших братьев и племянников и покинул богатый вечевыми традициями Ростов, перенес столицу во Владимир. Во Владимире не было веча. С 1157 года столица все того же княжества перемещается во Владимир. Теперь государство называется Владимиро-Суздальским княжеством (Ростов же делается окончательно не важен).

Андрей Юрьевич показал себя не самым худшим из русских князей и делал немало разумного: населял Владимир купцами и ремесленниками, заботился о промыслах, построил Успенский собор. Однако политическую традицию он изменил: не полагался на бояр и старшую дружину и выслал за пределы княжества старших бояр, служивших его отцу. Князь правил, опираясь на «молодшую дружину», на «отроков», преданных ему лично. По словам летописца, он хотел быть «самовластцем» Суздальской земли... и, что характерно, он им стал!

Первым на всей Руси Андрей Боголюбский последовательно опирался не на землевладельцев-бояр, которые от него мало зависели, а на тех, кто зависел лично от него: от данной им земли, от пожертвований и «кормлений». Выставляя вон всех, кто служил его отцу, был экономически независим и мог с ним поспорить, Андрей Боголюбский окружал себя только лично преданными, зависящими от него лично людьми.

Первым на Руси пытается вторгнуться Андрей Боголюбский и в дела Церкви: выгнать из Ростова неугодного ему епископа Леона и поставить «своего» епископа, Феодора. Князь

хотел даже создать вторую митрополию на Северо-Востоке, помимо киевской, и все с тем же Феодором, «своим человеком» во главе. Получилось плохо, потому что патриарх константинопольский новую митрополию основывать отказался, Феодор же оказался замешан во множестве преступлений. пытками вымогал он себе «достояние», резал неудобным прихожанам языки и выкалывал глаза.

К тому же Феодор отказался отправить жену в монастырь. Такова была обычная практика – епископу «подобает девство», и если священник становится епископом – то жену в монастырь, дело житейское. Сколько матушек, не пожелавших идти в монастырь, было попросту отравлено, мы уже никогда не узнаем. За свое «преступление» Феодор получил в народе презрительную кличку «феодорец белый кlobучок» – белый кlobук подобал священнику, имеющему приход и живущему в нем с женой.

Не могу отделаться от мысли – попался бы на пути князя Андрея Боголюбского «свой человек» поподлее, поциничнее, погаже, который отделался бы от жены без лишних проблем, – князь наложил бы лапу и на церковные дела. Что и сделали потом его потомки.

Князь Андрей Боголюбский, даже окружив себя «молодшей дружиной» и «отроками», не остался во Владимире, а построил укрепленный княжеский городок Боголюбово и возле него – знаменитый Спас-на-Нерли, при впадении Нерли в Клязьму. Даже сейчас белокаменное чудо Спаса и Успенского собора производит сильнейшее впечатление. Даже на тех, кто видел Зимний дворец, Кремль и Владимирскую горку в Киеве, – производит. А тогда свежий тесаный камень сахаристо сверкал на солнце, и Спас-на-Нерли, поставленный на насыпи, посреди заливного Богородичного луга, при слиянии рек, был виден за десятки верст. Храм был первым, что бросалось в глаза купцам, послам, боярам и дворянам, приезжавшим в Боголюбово или Владимир, поднимавшимся за этим по Клязьме или спускавшимся по Нерли.

Князь получил кличку «Боголюбский»... истово религиозный, он не пожалел денег на Спас-на-Нерли и на Успенский собор, искренне интересовался делами Церкви, вел долгие беседы с учеными-богословами. Лично меня не удивляет большая религиозность этого нарушителя традиций: пока действуешь как часть группы, клана или рода – все просто. Группа, клан и род несут ответственность за то, что происходит с тобой, и за результаты твоих дел.

А вот если ты сам, лично, «от себя» творишь нечто, то ты, получается, лично стоишь перед миром... Не в составе рода и семьи, не как часть правящего клана. А лично. Сам по себе. Есть ты, и есть Тот, перед Кем, хочешь или не хочешь, нести ответ.

Князь Андрей религиозен? Неудивительно!

Судьба самодержца

Не уберется князь Андрей и был убит мятежными боярами в ночь с 28 на 29 июня 1174 года в дорогом его сердцу Боголюбове. В центре заговора стояли дети, внуки, зятья боярина Кучки, владельца Москвы. Бояре не любили и боялись Андрея, который правил без них, окружал себя «неказистыми» людьми, старался подавить всех, кто от него независим. Среди заговорщиков оказался и осетин Анбал, ключник князя. В эту проклятую ночь он украл из спальни князя его меч... Князь, никогда не расстававшийся с мечом, оказался совершенно безоружен.

Убийцы прошли во дворец ночью вооруженные. Семеро профессиональных воинов с мечами и копьями ворвались в спальню, стали рубить и колоть князя. Но князь сам напал на них! Так успешно напал, что даже убил одного из нападавших.

– Нечестивцы! Какое зло я вам сделал?! – кричал князь.

Убийцы кинулись прочь, унося с собой лежащего на полу человека... Только на улице, при свете луны и звезд (ведь стояла ясная июньская ночь!), убийцы поняли, что не доделали злого дела: голос князя Андрея звучал в ночи, раненый князь громко стонал. Убийцы кинулись

назад... в неверном свете факелов не оказалось князя в спальне, потому что за эти несколько минут князь встал, «побежал под сени... и скончался», как пишет летописец.

Кровавый след и стоны помогли убийцам найти его, уже почти спасшегося. Известно имя того, кто отсек князю правую руку: Петр, зять боярина Кучки. И, сделав свое дело, убийцы беспрепятственно ушли.

Почему никто не помог князю?! Ну ладно, ключник Анбал его предал... А как же «молодая дружина» – сотни профессиональных воинов, каждый из которых всем был обязан Андрею Боголюбскому?! Наверняка во дворце была охрана, и ответ может быть только один, довольно грустный: охрана тоже изменила князю. Пусть и не убивали благодетеля, но и не спасли, когда он со стонами, пятная собственный дворец кровью, пытался спрятаться под сени. А потом дали убийцам удалиться.

Православная Церковь канонизировала князя Андрея, и его мощи в роскошной гробнице находились в Успенском соборе во Владимире. Уже в XX веке, по словам советского историка, «революционный народ не почитает мощей, и многие мощи, служившие раньше для обмана верующих, были публично вскрыты и ликвидированы. При этом нередко выяснялось, что в гробнице «святого» [кавычки автора цитаты, не мои! – А.Б.] лежали вовсе не человеческие кости, а кости животных»⁶.

Но только вот ведь беда! Исследование костей скелета, несколько столетий пролежавшего в Успенском соборе, полностью подтвердило – это скелет Андрея Боголюбского. Более того, изучение скелета позволило объяснить некоторые странности в описании летописца.

Например, у историков давно были сомнения – не преувеличил ли летописец героизма князя Андрея. Мог ли человек в 64 года, безоружный, оказать такое эффективное сопротивление нескольким опытным воинам и даже кого-то убить?! Но в Успенском соборе лежал человек, чей «скелетный возраст был меньше паспортного», как высказались ученые на профессиональном жаргоне. Физиология и физическая мощь Андрея Боголюбского в момент смерти соответствовала не 64, а скорее 50–55 годам.

Левая рука скелета была перерублена в нескольких местах, а потом совсем отрублена. Летописец писал о правой руке... видимо, он пытался усилить впечатление от описаний зверского убийства – отрублена-де «главная», правая рука, которой рубился князь. Но вот на рисунке в более поздней летописи показано как раз, как убийцы отсекают именно левую руку... Думаю, все с самого начала хорошо знали, что речь идет именно о левой руке, и понимали, почему, если у князя не было щита, он вполне мог обмотать чем-то левую руку и использовать ее в качестве щита. Так делали, если не было другого выхода, и иногда собственная рука служила надежной защитой; несколько слоев плотной ткани или кусок шкуры все-таки смягчали удары, и воин, даже получив серьезные ранения, все-таки оставался в живых.

Видимо, убийцы и отрубили эту руку потому, что она и так держалась «на ниточке», а они страшно торопились.

Летописец называл Андрея Боголюбского «жестковым» – то есть не наклонявшим головы. Князь всегда держал голову немного откинутой, глядя на собеседников гордо, непреклонно. А у скелета в Успенском соборе оказались сросшимися несколько шейных позвонков! Человек, похороненный в Успенском соборе, при всем желании не мог бы держать голову и шею иначе. Так что летописец в своем определении – «жестковейший», назвал князя Андрея очень точно – шея у него и впрямь была крайне «жесткая», в самом буквальном смысле. Летописец, конечно же, имел в виду совсем другое, да и все окружающие были уверены – осанка князя доказывает вовсе не костную болезнь, а его страшное высокомерие, заносчивость...

На скелете было множество следов «прижизненных ранений» – то есть поражений костей, заживших за годы жизни. А кроме них, множество ранений, которые никогда не зажили...

⁶ Рабинович М.Г. Судьбы вещей. М.: Детгиз, 1973. С. 89.

Ранений, нанесенных темной ночью 29 июня 1174 года. Рубящие удары нанесены были по затылку, в плечевой сустав, плечо, предплечье, кисть руки, в бедро, колющие удары – в лоб, в бедро, в плечо – и все удары наносились сбоку и сзади.

Анатомы и антропологи считают, что уже первые ранения были смертельными: убийцы долго рубили человека, беспомощно лежащего на правом боку. Ранения эти ясно показывают – погиб этот человек не в бою, не в поединке... Он был подло убит. Убийцы, скорее всего, сами смертельно боялись его, истекающего кровью, беспомощно лежащего: иначе зачем так долго рубили покойника? Так же вот и на Юлии Цезаре насчитали 27 смертельных ран: убийцы не могли остановиться.

Так что ученые вынуждены были разочаровать «революционный народ» – на этот раз попы не обманули рабочих, и в Успенском соборе лежал действительно Андрей Боголюбский, а не «кости животных».

Как только брат Андрея Всеволод Большое Гнездо вошел с дружиной в Боголюбово, он тут же отомстил за брата. Характерно, что убийцы не бежали в другие земли, и ни одному из них не достало мужества покончить с собой. Семерым главным убийцам подрезали поджилки, чтобы они не могли двигаться, положили в просмоленные гробы и утопили в озере в Богомилове.

Всеволод правил долго, почти полвека – до 1212 года. А сына Андрея Боголюбского он выгнал с Руси. Чистейшей воды узурпация власти, полнейшее нарушение традиций. В другой земле такое могло и не сойти с рук – а на Северо-Востоке сошло. Складывалась нехорошая традиция единоличной власти, опирающейся на грубую силу.

После Юрьевичей

К началу XIII века Владимиро-Суздальское княжество начинает дробиться, как и все остальные земли Руси (кроме Господина Великого Новгорода): в 1212 году сыновья Всеволода Большое Гнездо поделили наследство, образовались княжества Ростовское, Переяславльское, Ярославское. Между братьями началась очередная междоусобица.

В 1216 году на реке Липице, близ Юрьева-Польского, сошлись две коалиции. В одной из них состоял Мстислав Удалой и старший сын Всеволода, Константин – он люто ненавидел остальных братьев. Мстислав позвал дружины его родственников – Ростиславичей, правивших в Киеве, Смоленске и во Пскове. Сам Мстислав Удалой вел свою дружину и новгородцев.

Вторая коалиция объединяла остальных сыновей Всеволода, князей Северо-Востока. Фактически Северо-Восточная Русь воевала со всей остальной Русью. Коалиция Северо-Восточной Руси была наголову разгромлена, вскоре новгородцы и смоляне осадили Владимир и принудили к полной капитуляции главу «северо-западных», Юрия.

Но самое главное – полная уверенность князей и бояр Северо-Востока в своей победе. Бояре заявляли князьям: «Не бывало того ни при деде, ни при отце вашем, чтобы кто-нибудь вошел ратью в сильную землю Суздальскую, а вышел из нее цел, хотя бы собралась вся земля Русская – и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская и Рязанская; никак им не устоять против нашей силы; а эти-то полки – мы их и седлами закидаем!»

Как часто бывает, хвастовство оказалось наказано. Даже когда на Северо-Востоке воцарился мир (после смерти старшего Всеволодовича, Константина в 1218 году), Северо-Восток не восстановил контроля над остальной Русью и до монголов этого господства не имел.

Но прошло еще полтора века – и в конце XIV столетия одно из самых обычных, самых заштатных княжеств Северо-Востока, Московское княжество, начинает «собирать Русь». Восстанавливает и даже усиливает власть Северо-Востока над Русью.

Пытаясь изобразить Северо-Восток единственным наследником Киева, историки преувеличивают его роль. В духе «перенесение политического центра Руси во Владимир сыграло

большую роль в последующем образовании великорус. народности и рус. нации. В Сев. – Вост. Руси впервые была начата борьба за объединение Руси под главенством князей владимирской династии»⁷.

Это если и не прямое вранье, то, уж во всяком случае, сильнейшее преувеличение. В том же XIV веке «западнорусские земли охотно признавали власть Литвы, чтобы избавиться от власти татар»⁸, в результате чего

в конце XV века «Великое княжество Литовское и Русское охватывало не только Литву, всю Северо-Западную и почти всю Юго-Западную Русь, но и западную часть Великороссии»⁹.

Не будем даже спорить, так ли уж нуждалась Русь в объединении – скажем, в Новгороде вовсе не рвались решительно ни с кем объединяться. Тем более вовсе не был Северо-Восток единственным объединителем Руси. Гораздо вернее утверждение авторитетного источника, что «политические традиции» Владимирской земли после монголов «были сохранены, восприняты и развиты в процессе «собирания Руси» Москвой в XIV–XV веках»¹⁰.

Все верно. Северо-Восток Руси, дикая Московия объединила остальную Русь. Именно ее политические традиции легли в основу политической традиции России, что нам до сих пор и аукается. Против правды не попрешь.

Как формировались традиции

Политические традиции Северо-Востока начал формировать еще Андрей Боголюбский, внук Владимира Мономаха и родной брат прадеда Александра Невского. Он первым на Руси осуществил голубую мечту многих и многих князей:

- въехал в город, где можно править без веча;
- установил режим личной власти, без опоры на бояр и на Церковь, и даже Церковь попытался подчинить себе.

Мечта была у многих, но осуществилась в Северо-Восточной Руси, и были на то важные причины.

В древности ассирийцы и вавилоняне применяли политику, которая называлась «вырывание»: завоеванный народ переселяли на другие места. Новые места могли быть и не хуже старых, но там не было старых богов, прежних вождей, приходилось хоть немного, но менять и способ ведения хозяйства, и бытовые привычки. Народ оказывался вынужден опираться на администрацию, поставленную государством, он становился куда покорнее прежнего. «Вырванными» было проще управлять.

На Северо-Востоке народ, не успевая укорениться ни на одной территории, сам себе устраивает «вырывание». Причем какое-то хроническое вырывание: не успели освоить Волго-Окское междуречье, как приходит время перебираться в Поволжье, потом в Заволжье, в Предуралье, в Сибирь.

Люди не один раз, постоянно оказываются на новом месте. В таких условиях не могут «вырасти» новые традиции, новые принципы самоорганизации общества.

Везде в Европе – равно и романо-германской, и славянской – центрами власти были феодалы, города и Церковь. Так было и во Франции, и в Германии, и в Великом княжестве Литовском. Так было и в Киевской Руси.

На Северо-Востоке города особенно слабы, среди них много городов вообще без веча, тот же Владимир.

⁷ БСЭ. Вып. 3. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1971. Статья «Владими́ро-Суздальское княжество». С. 146.

⁸ Пушкарев Г.С. Обзор русской истории. СПб.: Лань, 1999. С. 147.

⁹ Пушкарев Г.С. Обзор русской истории. С. 149.

¹⁰ БСЭ. Вып. 3. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1971. Статья «Владими́ро-Суздальское княжество». С. 146.

Церковь? На западе Руси Церковь независима от князей, а католические епископы так и вообще подчиняются только Папе Римскому, а Папа считает себя выше королей и императоров. С Церковью приходится считаться что в Италии, что в далекой от папских глаз Польше.

На Северо-Востоке у Церкви тоже нет устойчивой опоры в традициях, обычаях места. Если князь создаст епископство – тогда и будет епископство, а князь сделается его покровителем.

Феодалы? Везде феодалы имеют свои имения, которые нельзя отнять. Они независимы от королей, князей, графов и герцогов; если хочешь стать и остаться владыкой – с ними надо уметь договариваться.

На Северо-Востоке нет сложившейся системы вотчин, переходящих от отца к сыну. А раз так – там в сто раз больше возможностей наступить им на хвост, заменить боярство, владеющее землей, на согнутое в покорности дворянство. Прогнать старшую дружину и бояр, опираться на молодежь, зависящую только от тебя.

Даже и крестьянство тут «удобнее» для установления режима своего личного господства. Оно более дикое, архаичное, общинное. Оно не будет вникать в тонкости и в детали закона и традиции, оно еще не понимает важности этих юридических тонкостей.

Для этого общинного, диковского крестьянства князь – что-то вроде племенного вождя. А мятежные бояре – это «шибко умные» враги единства, не понимающие прелести коллективизма и деспотизма.

Быть деспотами хотели и другие князья, в других землях. По крайней мере, многие из них. Осуществил это именно Андрей Боголюбский, и осуществил именно потому, что правил на Северо-Востоке.

Политические традиции Северо-Востока

Всевластие князя при слабости церковной и народной (вечевого) власти – вот одна сторона политической традиции Северо-Востока.

Бояре несут в себе идею феодальной чести – семейной и личной. Для Северо-Востока становятся обычны не бояре, а дворяне. Само слово «дворянин» говорит о многом – однокоренное с «дворником» и «дворней». Люди без собственности, без корпоративной чести – они поневоле верные зависимые слуги... как барская дворня XVIII–XIX веков.

Слово «дворянин» впервые упоминается в Никоновской летописи под годом 6683 от сотворения мира (1174 по Рождеству Христову), и не как-нибудь, а в рассказе об убийстве Великого князя Владимирского Андрея Боголюбского: «Гражане же боголюбстїи (из города Боголюбово. – А.Б.) и дворяне его (Андрея) разграбиша домъ его»¹¹. Сообщение, на мой взгляд, очень однозначное – дворяне в этом тексте упомянуты именно как дворня, как слуги, живущие на дворе Андрея Боголюбского.

Отметим: дворяне ведут себя именно как дворня и дворники, а отнюдь не как люди, обладающие понятием о чести нобилитета и о поведении, подобающем для элиты.

Во Владимире несколько дней убивали княжеских управителей и слуг, грабили лавки и имущество князя. Видимо, только страх перед князем мешал выступать против него. Жители города не испытывали любви и уважения к своему монарху, не умели сами поддерживать порядок. Умер князь – и сразу погром! Видимо, только его и боялись, больше нет никаких причин.

Слуги зависимы, лукавы, готовы на любую услугу. Но они вовсе не любят господина и не преданы ему. Никто в Боголюбове не пожалел князя. Никто даже не пытался отомстить убийцам или хотя бы усювестить их. Более того, труп Андрея Боголюбского швырнули на огород и хотели скормить собакам.

¹¹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. С. 233.

Только старый слуга Андрея Кузьма Киевлянин нашел тело князя, несмотря на угрозы, и закатал его тело в ковер. Вместе с мальчиком-служкой, видевшим убийство, Кузьма перенес тело в церковь. Даже в церкви ему велели положить труп князя Андрея в приделе, а не в средней части храма. Двое суток пролежал здесь Андрей Боголюбский; заговорщики и бывшие слуги пинали тело, плевали на него.

Только на третий день пришел игумен дальнего монастыря Арсений, собрал нескольких людей, и они омыли тело, положили его в гроб, отпели. На шестой день труп в гробу отнесли во Владимир.

Можно как угодно осуждать интриги бояр Галича или феодальные распри князей. Но они вели себя, по крайней мере, как свободные люди, не унижались мелкой местью холопов.

В 1174 году жители Боголюбова и Владимира впервые на Руси ведут себя как люди подневольные, слабые духом.

В «Молении Даниила Заточника» (конец XII – начало XIII века) сначала звучат обычные для того времени слова разочарования в мире. Друзья неверны, развлечения надоедают, «зла жена и до смерти сушит».

Но вот отречься от мира «заточнику» тоже не хочется. Из монастыря тоже монахи бегут, гонит их «блудный нрав», а ведь лучше умереть, чем «Богу солгати».

Единственным светлым пятном в нехорошем мире становится для Даниила Заточника... княжеский двор. Как хорошо служить князю! «Яко птицы небесные уповают на волю Божи, тако и мы, господине, желаем милости твоея».

Без внимания князя человек – чахлая травка у стены, на которую и солнце не посветит, и дождь не прольется. Все обижают человека, не огражденного страхом княжеского гнева.

Боярин князя не заменит: слаб боярин, и сухой кус хлеба на княжеском дворе лучше, чем на боярском дворе – бараний бок.

Здесь тоже новая для Руси политическая программа, которую не одобрили бы и люди славянских племен, и дружинники Рюрика со Святославом, и, уж конечно, ни новгородцы, ни подданные Великих князей литовских и русских. Это программа жизни в деспотии восточного типа.

Деспотия без монголов

Русские ученые, писатели, общественные деятели потратили немало слюны и чернил, чтобы обосновать нехитрый тезис. Мол, русских, коренных европейцев, совратили злые азиаты-татары. Это татары научили самих русских рабству, затворничеству женщин, холопству, жестокости, внедрили в русское общество идею «вековой дремотной Азии», опочившей на московских куполах... одним словом, сделали русских хотя бы частично азиатами.

Теперь же цель русских – преодолеть татарское наследие и опять сделаться европейцами. Ярче всего эта нехитрая идея проводится, пожалуй, в прекрасных стихах графа Алексея Константиновича Толстого.

Певец продолжает:
«И время придет,
Уступит наш хан христианам,
И снова подымется русский народ,
И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом!

И в тереме будет сидеть он своим,
Подобный кумиру средь храма,

И будет он спины вам бить батожьем,
А вы ему стукать и стукать челом.
Ой срама, ой горького срама!»

И с честной поссоритесь вы стариной,
И предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: «Станем к варягам спиной,
Лицом обратимся к обдорам!»¹²

Напомню, что Обдорское княжество или ханство располагалось в бассейне Оби, в Западной Сибири. Не особенно культурное место.

Нехитрая, слишком нехитрая идея воспета А.К. Толстым – но потенциал ее велик. Если мы европейцы, лишь временно оторванные от истинного Отечества, то и «возвращение в Европу» закономерно и оправданно, даже решительно необходимо. И меры, принимаемые Петром I и его последователями, – правильные, нормальные меры: нечего здесь отпускать бороды, носить сарафаны, блюсти посты, слушать колокольный звон, цепляться за традиции и вообще оставаться русскими.

Идея становилась оправданием почти всего, что выделял со страной «дракон московский», Петр I, напрасно прозванный Великим¹³.

Идея позволяла и самому народу без отечески мудрых решений своих царей постепенно «склоняться» к Европе. Никакая культура не любит новшеств – мы об этом уже говорили. А вот вспоминать культура «любит». Стоит убедить людей, что новшество – вовсе не новшество, а «хорошо забытое старое», что так жили предки, – и новшество тут же превращается в нечто почтенное и очень даже желанное. Так было с идеей европейского Возрождения, когда появившиеся новшества – огромный по масштабу сдвиг в культуре объяснялся просто: возвращением к Греции и Риму.

Так вот и здесь: идея исконного русского европейства, порушенного злыми татарами, обеспечивала процесс русской модернизации.

Но есть, по крайней мере, один пример (по крайней мере, пример значительный и яркий) того, как еще до монголов появилось то, что позже приписывалось «повреждению нравов» из-за татарского ига. Чтобы стать «самовластцем всей Суздальской земли», ввести режим жесткого единодержавия, отказа от всего роднящего Русь и Европу, Андрею Боголюбскому не понадобились никакие монголы.

И потому вот она, мораль: чтобы утвердить деспотизм восточного типа на Северо-Востоке Руси, не надо никаких монголов.

Может быть, монголы и помогли становлению такого типа власти, но вовсе не потому, что принесли его с собой. А потому, что сделали Северо-Восток еще более диким, архаичным, оторванным от остального мира. А князей еще в большей степени племенными вождями, чья главная цель – противостоять внешнему врагу.

Вообще же мысль о том, что источник проблем Северо-Востока Руси лежит вовсе не в нашествии монголов, а в изоляции от всего мира, высказывалась еще в прошлом – начале нашего столетия. Например, эта мысль очень ясно высказана в книге поляка К. Валишевского¹⁴.

¹² Толстой А.К. Змей Тугарин // Толстой А.К. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1963. с. 258–259.

¹³ Буровский А.М. Петр Первый. Проклятый император. М., 2008.

¹⁴ Валишевский К. Иван Грозный. М., 1989. Репринтное издание 1912 года.

Глава 3

Каин и Авель

*Был ты видом довольно противен,
Сердцем подл, но не в этом суть.
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь.*
Н. Коржавин

Потери

Из 74 крупных городов Руси монголы в 1237–1238 годах разрушили 49, из них 14 обезлюдели навсегда. Современная Рязань – это город, построенный в стороне от исторической Рязани. Большая часть этих городов – на Северо-Востоке Руси.

Из 12 рязанских князей погибли 9. Из трех ростовских – двое. Из девяти суздальских – пятеро. Наверное, среди дружинников потери были еще больше: среди московских бояр XVI века нет ни одного, чьи предки известны были бы с домонгольских времен. Как видно, феодальный класс сменился практически полностью.

Приятно отметить – и эта часть Руси, страшно разрушенный Северо-Восток не так просто сдался дикарям.

В 1245 году Ярослав, сын Всеволода Большое Гнездо, поехал в Орду. В отличие от Даниила Галицкого он никак не мог не подчиниться монголам – хотя бы внешне. Он прошел обряд очищения в дыму ритуальных костров, под завывания шаманов, поклонился хану Батыге Джучиевичу, пил-пировал со всеми ханами, беками, туменниками, темниками и чуть ли не сотниками. За правильное поведение Ярославу дали ярлык на великое княжение – подтвердили его право быть великим князем.

Но уже в 1247-м Ярослав вызвал особую ярость Батыги Джучиевича: будучи в Орде, он так клялся Батыге в верности, что Батыга поверил! А оказалось – он тайно готовил восстание. Ярослава вызвали в Орду, где он умер на пыточном столе. Вообще-то монголы князей казнили так, чтобы солнце и Великое Вечное Небо не видело их крови – забивали палками в мешках. Ярослав Всеволодович вызвал такое бешенство, что для него Батыга сделал исключение из правила.

Православные пастыри

Выдала же Ярослава Всеволодовича монголам как заговорщика агентура Сарайского епископства. Это епископство в Сарае основал сам же Ярослав! Но его желание избавиться от татар шло вразрез с политикой православной Церкви.

Сарайское епископство и вообще русская православная Церковь подчинялась патриарху в Никейской империи. В 1204 году крестоносцы разгромили Византию. На ее развалинах возникли Эпир и Никейская империя. Патриарх из Константинополя переехал в Никею.

С тех пор православие искало **ЛЮБУЮ** силу, лишь бы бросить ее на Европу, отомстить за 1204 год. Монголы были привлекательны в этом смысле. Большинство были язычниками, но были и христиане. Младший брат Батыя, Сартак, был православный.

Идеология была простая: «покоритесь, дабы крестить неверных». То есть примите монголов, чтобы вместе с ними громить католическую Европу.

Вот агенты Сарайского епископата и сдали Ярослава Батыю!

Каин и Авель

У Ярослава Всеволодовича были два сына: Андрей и Александр. Братья по-разному относились к монголам. Андрей был блестящим, ярким человеком, намного интереснее брата. В 1250 году Даниил Галицкий выдал дочь Аглаю за Суздальского князя Андрея Ярославича.

Династический союз Андрея и Даниила пугал монголов. Они прекрасно понимали, что Андрей очень хочет от них избавиться и что его тесть Даниил Галицкий его в этом поддерживает.

Но у Андрея был родной брат Александр Ярославич, будущий Невский. Лишенный ума и образованности брата, Александр кое в чем оказался куда сообразительнее: он первый понял, как полезны могут быть монголы.

После смерти Ярослава великокняжеский престол получает его брат Святослав – по старшинству. Андрей готов признать дядю великим князем, но Александр – сообразительнее!

Братья едут в Орду, и монголы соглашаются: не надо давать ярлык на великое княжение Святославу. И то сказать: Святослав в Орду не ездил, взятки не давал, с монгольскими ханами не пил. Не будет ему ярлыка! Но из братьев монголы выбирают почему-то Андрея. Потому что он старший? Возможно... Хотя права старшинства монголы нарушали много раз. Может быть, Александр несколько раздражал их назойливостью, вызывал опасения своей излишней агрессивностью, бьющей ключом энергией?

Александра, впрочем, не обидели – отдали ему Киев и Новгород. Сидеть на обугленных развалинах Киева не имело смысла, Александр уехал в Новгород.

Став великим князем, Андрей Ярославич начал делать то же, что его умерший под пытками отец: пытается поднять князей против монголов. Князья же оказались тоже сообразительными, как брат Александр: подниматься против монголов боялись.

«Господи! Что есть нам доколе меж собою браниться и наводить друг на друга татар, лучше ми бежати в чужую землю, неже дружити и служить татаром» – такие мысли приходили в голову Андрею.

Но князья хотя бы не донесли на Андрея! Не «сдали» его Батыге Джучиевичу, как христолюбивые батюшки – Ярослава. Андрея предал родной брат Александр.

В 1252 году Александр едет в Орду. Событыльник всех решительно ханов, он становится названным сыном Батыги Джучиевича. Замечательный биолого-исторический парадокс: папа старше сына на 12 лет! Красота!¹⁵

К тому времени биологический отец Александра уже покойник. И по всем правилам хорошего тона, и по династическим законам того времени он должен носить имя своего названного отца Батыги Джучиевича. Александр Батыгович Невский. Можно, конечно, и Батыевич, и Бату-ханович, но ведь гораздо более резонно сохранить форму имени, принятую на тогдашней Руси.

То, что Александра Невского до сих пор называют «Ярославичем», – не более чем часть густого мифологического тумана, который окутывает эту... выражаясь мягко – эту очень сложную фигуру. От своего генетического отца Ярослава Александр отрекся по всем правилам шаманизма, отказался признавать своим папой человека, посягнувшего на величие монгольских ханов¹⁶. Он сам назвал отцом человека, против владычества которого готовил восстание Ярослав и который убил Ярослава страшной смертью.

¹⁵ Александр Батыгович Невский родился в 1220 году. Батыга Джучиевич – в 1208-м.

¹⁶ Так пионер 1930-х годов отрекся от отца, посмеявшегося утаить хлеб от слуг великого Сталина, при том что отец пытался сохранить хлеб, необходимый для прокормления самого пионера.

Александр жалуется своему новому папе на Андрея – мол, тот обманом захватил великое княжение, а теперь утаивает часть дани, обманывает милого папу, Батыгу Джучиевича.

Батыга бросил на Суздаль две орды – Куремсы и Неврюя. Андрей разбил Куремсу, и орда Куремсы ушла на Юго-Запад Руси. Но Неврюй разбил Андрея, и «Неврюева орда» вошла в песни, сказки, предания. Масштаб разорения, количество непогребенных покойников, число уведенных в рабство сравнимо с масштабом нашествия 1238 года.

Андрей Ярославич с Аглаей Даниловной бежали в Норвегию, Александр Батыгович Невский стал великим князем, сел на опустевший трон брата.

Деспотия без монголов

Был ли Александр Батыгович выгоден и удобен монголам? Несомненно. Но в несравненно большей степени монголы были удобны и полезны ему.

Монголы дали невероятно много двоюродному внуку Боголюбского, Александру Невскому: колоссальное усиление княжеской власти.

1. Теперь власть князя опиралась на авторитет и на мощь монгольских ханов. В случае чего – за князя есть кому заступиться.

2. Князья стали слугами ханов – но и от своих дружинников стали требовать того же.

Психология дружинников тоже менялась: в ходе многих погромов слишком многие погибли, состав служилых людей поменялся. На смену тем, что привыкли быть соратниками князей, окончательно пришли люди незнатные, с другой психологией. Те, кто согласен был стать князьям верным слугой.

3. Обстановка «прифронтового» государства, постоянной войны, необходимости отражать очередную орду заставляла общество мириться с режимом самовластия, нарушениями демократии.

Конечно, в этих условиях жил не один Александр – жили все. В том числе и все русские князья. Вопрос в том, кто и как вел себя в этих условиях. Монголы всех князей учили предавать отцов и братьев, доносить друг на друга, целовать копыта ханского коня, быть верными слугами ханов. Вопрос: кто был самым лучшим учеником?

Александр оказался самым лучшим, самым верным учеником монголов и приемным сыном Батыги Джучиевича. Как всякий лучший ученик, он выполнял многие и многие поручения приемного папы и много чего получил.

Решающий урок состоялся в 1262 году. Тогда по всей Руси вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани – баскаков, и против купцов, откупавших сбор дани, – бесерменов. Как к ним относились на Руси, ясно уже из слова «бусурман» – переделанное «бесермен».

В Новгороде, в Суздале, Ярославле, Владимире, Ростове, Твери – везде встал народ. «Бысть вече на бесермены по всем градом русским, и побиша татар везде, не терпяще насилие от них».

Очень трудно судить, насколько велик был шанс покончить с игом навсегда. Наверное, шанс был очень реальный, если бы князь встал на сторону восставших. Но Даниил Галицкий был далеко, Ярослав Всеволодович давно умер, Андрей Ярославич – в Норвегии.

Вечевая Русь, умевшая сама управлять собой, свой выбор сделала, ударив в колокола и «побиша» недругов. Александр Невский тоже сделал выбор: вместе с ордынским, собственно татарским войском он активнейшим образом подавлял восстание во всех городах Северо-Восточной Руси.

При подавлении восстания войска князя Александра Батыговича Невского, канонизированного православной Церковью, проявляли ту самую «азиатскую жестокость», которую якобы татары и занесли на Святую Русь.

Дружинники Александра Батыговича Невского, генетического внука Всеволода Большое Гнездо и духовного внука Чингисхана, отрезали пальцы, уши и носы, секли кнутом пленных, жгли дома и города ничуть не «хуже» татар. «Александрово побоище» в Твери помнили ничуть не хуже, помнили так же и тем же, чем «Неврюеву рать».

Совместными усилиями они подавили восстание – Батыга Джучиевич и его удачный приемный сынок. Именно тогда уничтожается вечевой строй на Северо-Восточной Руси, и именно руками Александра. Монголы могли не додуматься до того, чтобы изменить политический строй Руси. Но уж Александр Батыгович прекрасно понимал, что в его интересах: слишком часто вече мешало ему, а из Новгорода – выгоняло. Да и в 1262 году первыми ударили вечевые колокола Ростова, столь не любимого еще Андреем Юрьевичем, генетическим двоюродным дедушкой Невского.

На 1262–1265 годы приходятся последние упоминания веча на Северо-Востоке. Вот они, годы перелома. Годы полного и окончательного изменения политического строя на Северо-Востоке Руси.

Обвинять злых татар в том, что это они принесли на Русь азиатские методы правления и азиатский образ жизни, стало классикой. Но в эти недобрые годы удавил самоуправление и демократию на этой части Руси не кто иной, как Великий князь Владимирский Александр Батыгович Невский.

Несомненно, монголы очень даже помогли становлению деспотичной азиатской власти без веча и любого народоправства; но вовсе не потому, что принесли его с собой. А потому, что умный и хитрый двоюродный правнук Андрея Боголюбского, Александр Невский, сумел использовать монголов для осуществления заветной мечты многих князей. Хотели, может быть, и многие князья, но именно он стал реальным «самовластцем» для себя и для своих потомков.

Глупо, конечно, судить исторических личностей по меркам сегодняшней морали. В сущности, так и поступали советские власти – скрывали от населения страны факты, которые позволили бы называть Александра Невского плохими словами: «коллорабационистом» или «предателем национальных интересов». Разумеется, ни тем, ни другим Александр Батыгович Невский не был и в помине, но он сделал некоторый выбор и, вряд ли сам осознавая это, стал в начале новой версии славянской цивилизации...

Той самой версии, которую еще со времен интеллектуалов XVII века, Ордын-Нощокина и Василия Голицына, называют «азиатской».

После Александра Невского

В 1256 году добровольно выбранный и по заслугам любимый отец Александра Невского, Бытыга Джучиевич, уже ушел в мир счастливой перекочевки. В год смерти ему было всего 48 лет. К 1262 году правил хан Берке, и этот хан потребовал от Александра воинов для войны с Ираном. Александр отказал – ему было чем заняться на Руси! Тут вечевой строй подавлять надо, дела неуправляемы...

Этого отказа ему не простили: наверное, проницательный хан Берке догадался, что дела Руси для названного родственника важнее дел Золотой Орды.

Александр Батыгович не был предателем ханов, с ним поступили не как с его отцом. Ставшего слишком самостоятельным князя по-тихому отравили в 1263 году. Высказывалось, правда, и другое предположение... Что Александр Невский чересчур много выпил с Берке и помер от алкогольного отравления. Все же 43 года, пора и о здоровье подумать.

Во всяком случае, Александра больше нет. И тогда возвращается Андрей! Он стал Великим князем Владимирским, Суздальским и Переяславским (в Переяславле-Залесском).

Но к тому времени Северо-Восток Руси – это не единое государство, а конгломерат из то 12, то 13 княжеств, которые ведут между собой почти непрерывные войны. Великий князь Владимирский становится титулом почетным, но без реальной власти. Вроде императора Священной Римской империи германской нации.

К тому же за годы его отсутствия, с 1252-го по 1263-й, на Северо-Востоке произошел как раз тот политический переворот, который Андрей Ярославич из всех сил хотел не допустить. История необратима. Всего за десять лет Русь изменилась до неузнаваемости, князю Андрею на ней уже не было места. Князя уважали за прошлое, но реальной власти у него было очень мало. Повернуть историю вспять, создать общую коалицию против монголов он не может.

Пережив свою эпоху, князь Андрей умер в 1276 году.

В 1277 году престол великого князя перешел к сыну Александра, Дмитрию Переяславскому. Но через 4 года другой сын Александра, Андрей, выпросил в Орде ярлык (как тут не вспомнить о примере родителей?). Началась новая междоусобица. В 1281–1282 годах приведенные Андреем монгольские рати опустошили многие районы Северо-Востока. В 1293 году он (с четвертой попытки) добился своего – то есть великого княжения. Приведенная им в 1293 году Дюденева рать вошла в историю Руси так же, как Неврюева орда.

Вообще же с 1275 по 1300 год на Северо-Восточную Русь татары обрушивались 15 раз. И всякий раз их звал кто-нибудь из князей.

В ходе междоусобных войн и монгольских погромов роль старых, много раз разгромленных городов все падает и падает, а поднимаются Москва и Тверь. Вместе со своим городом поднимается и младший сын Александра Невского, Даниил Московский. В первой половине XIV века дань для татар собирает его сын и внук Александра Батыговича Невского, знаменитый Иван Калита. Это о нем писал Наум Коржавин в стихах, вынесенных в эпиграф.

Иван Калита тоже писал доносы на братьев, губил близких родственников и наводил на Русь монгольские орды – в этой семье были своеобразные традиции.

Благодаря и этим поступкам на престоле будущих московских великих князей, потом царей, остаются сидеть потомки именно Александра Невского. А что удивительного? После 1262 года Орда прекрасно знала, на какую линию княжеского рода очень даже можно положиться.

Глава 4

Становление Московии XIV–XV веков

*Никто не виноват в том, что родился рабом... Но раб, целующий
плетку и призывающий благословения на хозяина, уже не просто раб, а
совершенно отвратительный и вызывающий законное чувство омерзения
холуй и хам.*
В.И. Ленин

Из Северо-Восточной Руси – в Московию

Шляхетство Западной Руси собиралось на съезды-сеймы для решения важных вопросов. На эти сеймы не приглашались князья, чьи владения не входили в Великое княжество Литовское, – по понятным причинам. Но вот в 1303 году князья Северо-Востока проводят свой общий сейм. Как свидетельствует Н.М. Карамзин, «в сих Княжеских съездах не участвовали ни Рязанские, ни Смоленские, ни другие Владетели. Нашествие монголов уничтожило и последние связи между разными частями нашего отечества: Великий Князь, не удержав господства над собственными Уделами Владимирскими, мог ли вмешиваться в дела иных областей и быть – ежели бы и хотел – душою общего согласия, порядка, справедливости?»¹⁷

Не будем вспоминать, что Великому князю Литовскому «почему-то» удастся и удерживать господство над своими уделами, и быть «душою общего согласия» в своих пределах.

Не будем даже фиксировать лишний раз внимание читателя на том, что Н.М. Карамзин сознательно делает вид, будто, помимо Великого князя Владимирского, нет в это время на Руси владыки с таким же титулом, и всех, кроме рязанского и смоленского князей, именует эдак общо: «другие Владетели».

Заметим лишь, что пока Северо-Восток полностью сохраняет свою репутацию дикого, изолированного от всех, малоинтересного кому-либо захолустья.

Кстати, не очень понятно и обратное: считают ли на Северо-Востоке западных русских сородичами? «Южные области России... Быв некогда лучшим ее достоянием, с половины XIII века сделались чужды для нашего северного отечества (для нашего! – А.Б.), коего жители брали столь мало участия в судьбе Киевлян, Волынян, Галичан, что Летописцы Новгородские и Суздальские не говорят об ней почти ни слова», – свидетельствует Карамзин¹⁸.

И о более поздних временах: «...Шайки Литовских разбойников злодействовали в пределах Торжка. За что Великий Князь приказал своим Воеводам сжечь в соседней Литве несколько городов: Рясну, Осевен и другие, принадлежавшие некогда к Полоцкому Княжеству»¹⁹.

То есть в ходе войны с Литвой Иван III велит обращаться с жителями Полоцкой земли как с врагами, несущими круговую поруку с теми, кто разорял Московию. Отметим это: нет уверенности в том, что Запад и Восток Руси признают друг друга единым народом. Утверждать это с уверенностью трудно, но предположить мы просто обязаны.

На самом же Северо-Востоке Московское княжество еще в начале XIV века – одно из самых незначительных. Включает оно только два города – Москву и Звенигород и земли вокруг них. Правят в Москве князья из младшей линии наследников Александра Невского – то есть

¹⁷ Карамзин М.Н. История государства Российского. Т. IV. М., 1995. С. 95.

¹⁸ Карамзин М.Н. История государства Российского. С. 122–123.

¹⁹ Там же. С. 140.

князья, не имеющие права стать Великими князьями. Что же такое Москва? Так, захолустное владение малоизвестных, ничем не примечательных владык сугубо местного разлива.

Только при внуке Александра Батыговича Невского, Иване Калите (1325–1340), начинается возвышение Москвы, рост его престижа и значения. К концу XIV столетия, к Куликовской битве Московское княжество оказывается вдруг лидером всего Северо-Востока и начинает играть исключительную роль в истории всей Руси.

Возникает естественнейший вопрос: а что же привело Московское княжество к лидерству, а потом и к могуществу? Почему именно это княжество стало так успешно «собирать» русские земли и стало центром будущей Российской империи?

Действительно, почему «столицей нашей родины» стала Москва, а не Тверь, не Ростов и не Рязань? Какие качества именно московских князей или свойства территории их государства сделали так, что именно Москва собирала русские земли, а не Тверь и не Рязань?

Классический ответ состоит в том, что Новгород, Казань, Киев, даже Рязань лежат на окраинах страны. А Москва лежит в центре, и отсюда собирать земли куда удобнее: во все концы России расстояние примерно одинаковое.

Но и тогда возникают недоуменные вопросы: ведь Ростов, Тверь, Владимир, Суздаль, Калуга, Боровск, Серпухов находятся совсем недалеко от Москвы, в том же самом «центре», что и она сама. Почему не могучая Тверь? Почему не древний Ростов? Чем хуже Москвы Серпухов?

Наследие Батыги Джучиевича и Александра Батыговича

А может, это вообще не очень важно, какой город стал столицей: Тверь, Ростов или Москва? Может быть, гораздо важнее, КТО сидит в том или ином городе? Андрей Боголюбский правил из маленького Боголюбова. Александр Батыгович сидел не в Москве, а в Переяславле, его потомки – во Владимире. Собирателями земель стали вовсе не некие «московские князья», а потомки Александра Батыговича, генетические потомки Ярослава Всеволодовича и духовные – Батыги Джучиевича. Где бы они ни находились.

Опершись на монголов, использовав их как орудие, Александр Батыгович сразу получил три важнейших результата.

1. Остановил развитие городов.

События почти одного времени – колокольный звон над Тверью и Ростовом (1264) и набат в Креси в 1300 году. Вот последствия – разные. Во Фландрии горожане вышли на историческую арену, громко заявили о себе. На Северо-Восточной Руси «...городское самоуправление почти полностью ликвидировано монголо-татарами», – всерьез пишет И. Ионов. Кем, почтенный Игорь Николаевич?! Уточните, пожалуйста, кем?!²⁰

2. Сумел сделать монголов гарантом своей собственной власти.

После всех изветов и вранья Александра и его детей Орда прекрасно знала, что уж на кого-кого, а на эту линию княжеского рода очень даже можно положиться.

Официальная версия событий – и Российской империи, и СССР – состоит в том, что злой жестокий монгол Бату-хан использовал Александра Невского, а если его названный сынок и слушался названного папочку, то исключительно из любви к родине. Он пил кумыс и ездил на охоту с монгольскими князьями, обхаживал старшую ханшу, чтобы обмануть злого, жестокого, но глупого Бату-хана и чтобы Бату-хан причинил Руси как можно меньше всяких непри-

²⁰ Ионов И.Н. Российская цивилизация. М., 1998. С. 81.

янностей. То есть, попросту говоря, Бату-хан навязал свое общество Александру Невскому; а самому Александру Ярославичу был он совершенно не нужен.

Но ведь получается-то все наоборот! Если кто-то кого-то использовал, то это скорее Александр Невский использовал Бату-хана! Для осуществления его... нет, скорее всего все-таки не планов, а неясных, для самого себя не очень прописанных стремлений монголы были гораздо более необходимы, чем Александр Невский – для монголов.

После восстания 1264–1265 годов баскаков и правда татары больше не посылали на сбор дани на Русь. Да и зачем? Сбор дани был отдан на откуп восточным купцам, а уже в первой половине XIV века собирали дань московские князья. Так сказать, свои же.

Первым казначеем монголов стал не кто-то, а внук Александра Невского, знаменитый Иван Калита. Не кому иному расчистил Александр Невский дорогу, как своим внукам.

Монголы были опасным орудием; народные легенды много чего рассказывают о неумелых учениках чародеев и о последствиях дружбы с дьяволом. Так и сам Александр заплатил жизнью за то, что слишком долго вглядывался в бездну. Зато каков результат!

3. А третий важнейший результат: колоссальное усиление великокняжеской власти. Причем не абстрактного принципа этой власти, конечно же, а вполне конкретно: себя лично и своих потомков.

Еще раз подчеркну – Александр Невский не сделал ничего, что не было бы предметом тайного вождения и других князей... По крайней мере, многих из них. Разница в том, что они только бессильно мечтали, а он воспользовался случаем и осуществил желанное на практике.

Как и Иван Калита. Многие князья, наверное, могли только мечтать о такой замечательной возможности: собирать дань для татар! Собирать не только в своем княжестве, а во всех княжествах, платящих монголам дань. Самому решать, кто и сколько – хе-хе! – будет платить, в зависимости от отношений с главным сборщиком. И, уж конечно, собирать дань, старательно отводя в собственные карманы ручеек из текущей в Орду золотой речки...

Хотели – многие. Осуществил – Калита. Осуществил в числе прочего и потому, что для него уже за несколько поколений подготовили такую возможность.

Напомню – никакой Московии пока еще нет, она возникнет только в середине – конце XV столетия, не раньше. Пока речь идет только о том, как в недрах Московского княжества вызревает особый тип государства. Весь XIV и XV века Московские князья очень последовательно строили государство, характер которого В.О. Ключевский назовет «тяглым».

Потом будут и другие термины: «неправовое государство», «традиционное», «деспотическое». Но по сути они будут обозначать то же самое, что и «тяглое» государство В.О. Ключевского.

Тяглый характер государства обозначает, что в этом государстве нет свободных от него людей. Все обязаны нести тягло – служить. Отношения людей, их положение в обществе, их богатство... одним словом, абсолютно все определяется тем, кто и как служит государству.

В Европе (в том числе на Западной Руси) отношения внутри служилого слоя определял вассалитет. Вассал должен был служить сорок дней в году или два месяца... одним словом, установленное число дней, и весь остальной год был никому и ничего не должен. Можно сколько угодно смеяться над системой, когда вассалы могли разойтись на 41-й день своей службы, даже прекрасно понимая – еще день-два, и противник капитулирует. Наверное, в своем роде это и правда забавно. Но эта система создавалась свободными людьми, наследниками Рима и Эллады. И воспитывала свободных людей, которые договариваются о службе, честно выполняют условия договоров, но которых, если они не хотят, нельзя принудить исполнять что-то сверх договора.

Никакого влияния античной цивилизации Московия не испытала, традиций вассалитета в ней не было. Служилый человек был обязан служить столько, сколько он физически сможет, безо всяких обязательств со стороны князя. По меткому определению В.О. Ключевского, дворянину давалось поместье не за то, что он служил, а для того, чтобы он служил.

Московия опиралась не на бояр с их вотчинами, с их какими-никакими, а традициями. Москва опиралась на дворян – высокопоставленную дворню князей и Великих князей, зависимую, неуверенную в себе, которой некуда деваться.

Служить государству до последней капли крови должны не только дворяне, но и крестьянство. У мужиков просто другой способ службы: платить налоги и работать. Если дворянин должен давать все, что может, то и крестьянин тоже.

Древняя Русь знала много типов зависимых людей: рядовича, заключившего ряд-договор. Закупа, «закупившего» себя в неволю. Холопа и смерда, о положении которых до сих пор ведутся споры между учеными. И каждый крестьянин был зависимым ЛИЧНО. Не потому, что он крестьянин, а потому, что именно его обстоятельства таковы.

Московская Русь требовала от крестьян не только работать и «помнить себя». Она давала крестьянам некое место в общей иерархии. Пусть невысокое, но гарантированное место – место, которого никто не мог лишить крестьянина по своему произволу, «так просто».

А горожан в Московии не было. Города – были, но они не знали вольностей и Магдебургского права. Вечевые колокола не звонили больше после того, как подняли народ на восстание против монголов. Особого сословия горожан – не дворянства и не крестьянства, мятежных, самостоятельных, критичных горожан – не было.

Закрепощение крестьян и опора на дворянство, опора на служилые, а не на экономически самостоятельные слои населения означало одно – уменьшение личной свободы всех слоев общества, и «сверху», и «снизу».

Как ни парадоксально, убывала свобода и самого Великого князя Московского: принципы службы Московскому государству прямо касались и его. Единодержавие, необходимость передать трон только одному из наследников, требует, казалось бы, четкой традиции – кому же трон передавать?! На католическом Западе все было ясно: все решало старшинство по прямой мужской линии. По византийской традиции сидеть на троне мог сын с любым порядковым номером, и вообще всякий, захвативший власть.

Сын и наследник Ивана Калиты, Симеон Гордый (1341–1353), сумел избежать дробления Московского княжества: подписал договор с братьями о том, что удельные князья не будут отделять свои владения от владений Москвы. Договор утверждал верховную судебную власть московского князя, передавал в его руки все военные силы. Симеон даже держал одного из своих братьев в тюрьме, и не за преступление, а так... на всякий случай. А то... характер у него плохой: вдруг восстанет?

Этот способ решать вопрос о престолонаследии Московские Великие князья будут использовать очень охотно, и даже усовершенствуют.

Вот Иван III, скажем, в 1491 году заключает в тюрьму своего брата Андрея, где тот вскоре и помер, гениально решив вопрос о возможных конкурентах. Митрополиту, который приехал просить за Андрея, он так и объясняет: мол, а вдруг не сам Андрей... вдруг его дети и внуки захотят искать престола?! Все правильно – нет детей и внуков, нет проблемы! Молодец, князюшка! И обширный же ум тебе дан, истинно государственный.

Помяни, Господи, сгнившего с тюрьме раба Твоего, Андрея, и открой мне истину, Всевышний, дай уразуметь: для тюрьмы ли и бессмысленной ли смерти дал ты плоть князю Андрею, брату моему по Тебе? А то, может, я не понимаю чего-то?

Но и после убийства брата Иван имел слишком много, сразу двух наследников престола! Оба равные, оба законные. Царевич Дмитрий, внук, от рано умершего сына Ивана, от первой

жены. Подозревают, что Ивана отравила его вторая жена, Софья Палеолог, расчищая дорогу на трон своему сыну, Василию.

Сначала Иван III вознес Дмитрия, посадил на трон рядом с собой, а сына Василия посадил в тюрьму... тоже не за что-то, а на всякий случай. Чтобы не смог бунтовать, оспаривая престол у другого выбранного Иваном наследника. Потом Иван передумал и засунул в тюрьму уже Дмитрия; часть преданных Дмитрию бояр казнил, часть сослал. А вознес теперь уже Василия... После чего помер исключительно удачно для Василия: не успел еще раз передумать. Василий остался наследником, а Дмитрий так и умер в темнице. Ни за что, просто чтоб не мешал. Загубленная судьба? Ну и что?! Это всякие там горожане задают ненужные вопросы, всякие там латиняне, ненастоящие христиане, болтают глупости, будто у всех одинаковые души – у Великих князей и мужиков и что их якобы одинаково нельзя губить. Москвиты точно знают, что надо делать, и плевать им на всякую ересь про души там, про личность и прочую ерунду, вредную для государственности. А Великий князь на то и Государь Всея Руси, чтобы ему было виднее – чью именно судьбу губить. Он выбирает, как хочет.

Единодержавие должно иметь основания. На Западе, в Китае и Японии основанием были обычай и закон. В Византии – традиции поздней Римской империи и необходимость сохранять целостность этой империи. В Московии основанием стало то, что Великий князь, потом царь – это тоже слуга государства. Все служат – и он служит. Так сказать, общее благо дороже.

Дмитрий Донской, сражавшийся как рядовой воин, – прекрасная иллюстрация этому. Он – один из всех, и делает то же, что все. Так сказать, действует не по своей воле, а по воле необходимости. Если даже летописи изрядно преувеличили ранения Дмитрия, полученные им на Куликовом поле, приходится признать – Дмитрий Иванович «честно» выкупил власть своей кровью.

Точно так же и Петр I, который лично вытаскивал застрявшие в грязи пушки, заколачивал сваи, возглавлял атаки на шведские корабли, и Александр I, посвятивший парк в Царском Селе «Дорогим моим сослуживцам», всего лишь поддерживают «служебную» московскую традицию. Российская империя вышла из Московии и не всегда последовательно, но все же старалась продолжать ее путь.

Традиция тяглого государства позволяет многое что «списывать», оправдывать, в том числе и собственную агрессивность. Агрессивность Московии часто, слишком часто объясняли тем, что на ее границах нет никаких естественных преград: высоких гор, рек, пустынь. Лучше всего эта идея выражена в книге Ф.Ф. Нестерова, где утверждается: Россия открыта во все стороны света, и потому завоевание любых рубежей означает только одно – выход на новые рубежи. А со всех рубежей катятся бесконечные волны вражеских нашествий...

Это, мол, и потребовало от русских невероятной дисциплины и самоотверженности, готовности служить государству до последней капли крови. По Нестерову, Московия постоянно проигрывала по численности и по качеству вооружения, но всегда ухитрялась сосредоточивать максимум войск на необходимом направлении. А сами войска, при самом плохом вооружении и невероятной бедности, готовы были являть чудеса героизма, безоговорочно отдавая свою жизнь во имя и на благо государства. «Жить не необходимо», если «зато» противник задержался ненадолго, пока резал, и уже собственной гибелью человек внес вклад в общую победу... Если читатель сочтет, что я преувеличиваю, приписывая оппоненту лишнее, – то отсылаю вас к его книге.

Автор приводит пример, когда в память о некой героической рукопашной один из армейских полков получил редкий знак отличия – красные отвороты сапог. «Зачем же было выделять одну воинскую часть, когда весь народ на протяжении своей истории отбивался, стоя по колено в крови?» – патетически восклицает Нестеров²¹.

²¹ Нестеров Ф.Ф. Связь времен. М., 1987. С. 69.

Звучит романтически, красочно, и наверняка не у одного россиянина возникает эдакое сладкое пощипывание в носу, ощущение некоего воспарения над скверною и гадостью земной, приобщения к чему-то высшему.

Но ведь здесь заколдованный круг: мы служим, вечно воюем со всеми и тем самым создаем необходимость защищаться от нас. Оскаленные железом границы, негативное, опасливое отношение соседей к Московитам наглядно показывают: все против нас, надо служить своему государству! И то, что вызвано нашим же отношением к миру, служит превосходным подтверждением: мы, оказывается, правильно живем!

Психологи и психиатры называют это «самосбывающийся прогноз»: человек получает от жизни то, что он запланировал и что он несет в самом себе.

«Некто возымел желание повесить картину... И наш герой решает одолжить молоток у соседа, но потом его одолевают сомнения. «А вдруг сосед не захочет мне дать свой молоток? Он так нехотя ответил, когда я с ним вчера поздоровался. Конечно, может, он просто спешил. Или же нарочно притворился, будто ужасно спешит, а на самом деле хотел избежать разговора, потому что плохо ко мне относится. Интересно, почему он ко мне так плохо относится? Я всегда с ним любезен. Непонятно, что он против меня имеет, но тут явно что-то не так. Если бы кому-нибудь понадобился инструмент, я бы дал его без всяких разговоров. Почему он не хочет одолжить мне молоток, что я, съем его, что ли? Да и вообще я не понимаю, как можно отказывать людям в такой пустячной просьбе? Вот такие-то люди и отравляют нам жизнь... Может, он решил, что если у него есть молоток, а у меня нет, то я у него в руках? Ладно, сейчас я ему прочищу мозги».

Наш герой вскакивает, в ярости мчится к квартире соседа и звонит в дверь. Ничего не подозревающий сосед открывает дверь, но не успевает произнести и слово «здравствуйте», как на него обрушивается крик нашего героя: «Подавился ты своим молотком, ты, кретин!»²²

Надо признать: Московия делает все необходимое, чтобы стать несчастной без посторонней помощи. Она несет исключительно самое хорошее, а ей подло отказывают в праве осчастливить соседей. Окружающие отравляют ей жизнь и не дают ей своих молотков. А Новгород к тому же воображает, что если он член Ганзы – то и Москва у него в руках. Приступы неврастения в духе: «Мы им... А они же нас ненавидят!! А за что?!» наверняка слышал каждый, они очень характерны для русского имперского сознания.

А ведь в основе – архаичные представления московитов. Сначала московиты в своем захолустье придумывают незыблемые правила жизни... причем не только для самих себя, но и для всего человечества. Потом они пытаются навязывать их всем окружающим народам... В глубине души московиты и сами чувствуют, что делают какую-то глупость... Отсюда и попытки любой ценой приписать соседям собственную агрессивность и упертость. У них получается: княжества Руси, а потом поляки и немцы никак не хотят позволить себя осчастливить. А еще они никак не дают себя наконец завоевать, что с их стороны тоже нехорошо.

Первый поворот к Европе задом

При Симеоне Гордом начинается и противостояние Москвы с Западной Русью. Пока – на территории Северо-Востока. В начале XIV века Великое княжество Литовское пытается присоединить Можайск. Вспыхивает война и за Можайск, и за все верховья Оки. Вскоре Тверское и Суздальско-Нижегородское княжества, а затем и другие начинают искать поддержки против усиления Москвы у литовских Великих князей.

Увы! Даже очень сильные историки не могут порой отойти от вбитых с детства стереотипов. Я питаю глубочайшее уважение к высказываниям И. Ионина, но и у него прочитал, косте-

²² Вацлавик П. Как стать несчастным без посторонней помощи. М., 1993. С. 40.

нея от изумления: «Московские князья, начавшие как подручные татарского хана, превратились в защитников Руси от литовской агрессии»²³.

«Агрессия» Литвы – Западной Руси, включившей в себя 70 % всех земель и всего населения Киево-Новгородской Руси? Против кого? Против других русских княжеств? Тогда что же называется «собираем русских земель»? А от кого защищает Москва свой дикий Северо-Восток? От русских подданных Великого князя Литовского? Спасители они наши!

Но Литва, Великое княжество Литовское и Русское (так оно полностью называлось), у И.Ионова русским государством не признается. Попытка присоединить к себе Можайск, Тверь и Суздаль рассматривается только как попытка «захвата» русской земли некими внешними врагами. Для Ионова «Русь» – это Московское княжество, и только оно; это государство и полномочно собирать русские земли.

Удивительно, но даже позиция Твери и Суздаля, пытающихся опереться на Литву против Москвы, Ионова ни в чем не убеждает. Он достаточно умен и культурен, чтобы не называть действия этих государств «предательскими», но логика ведь именно такова.

Получается вопиющий парадокс: 15 % русских земель – это и есть вся Русь. 70 % – никакая не Русь. Стремление Твери и Суздаля стать частью государства, включающего 70 % Руси, – это откол от Руси... Почти по Оруэллу: «Мир есть война» и «Правда – это ложь». А Русь – это не Русь соответственно.

С этого времени, с середины XIV века, и начинается конфронтация Великого княжества Литовского и Московского княжества.

К этому времени относятся и документы, в которых трудно понять, про москалей речь идет или про татар. Я совершенно согласен с А.А. Бушковым в одном из его предположений (но только в одном!) – что для жителей и Европы, и конкретно Западной Руси часто оказывалось не очень важно, имеют они дело со степняками или с жителями Восточной Руси. Правда, А.А. Бушков тут же делает вывод, что Восточная Русь – это и были монголы. Что татары – это попросту войско, а орда – государство. Ну, и что Батый – это и есть Александр Невский. Вот с этими выводами я категорически не согласен.

Давно, в глухом Средневековье, философ Оккам сказал, что «не надо множить сущности сверх необходимого». «Переводя» с научного жаргона, высказаться можно так: нет необходимости выдумывать сложные объяснения там, где можно обойтись самыми простыми. И самое простое объяснение, как правило, самое верное. У философов есть даже такой термин: «Бритва Оккама». Принцип, отвергающий все чересчур сложные, слишком натужные объяснения чего-либо. «А теперь, мужики, поработаем бритвой Оккама».

Так вот, нет никакой необходимости предполагать тождество Бату-хана и Александра Невского. У нас достаточно фактов, свидетельствующих: и сам Александр Невский, и его потомки, московские князья, активно помогали монголам, были не только их данниками, но и их верными вассалами и соратниками. Мы также знаем, что европейцы изображали на картах «Великую Татарию» и «Великую Тартарию» там, где находились большие русские города (прекрасно известные европейцам). Вполне достаточно предположить, что москвиты воспринимались в Европе как часть татарского войска? Примерно так же, как мадьярские части вермахта или как испанская «Голубая дивизия», шедшая в 1942 году на Петербург-Ленинград? Или как Войско польское в 1944 году воспринималось всеми (и самими собой) как часть Советской армии. Допускаю я и то, что москвитов с татарами могли путать – особенно те, кто редко видел одних и ни разу не видел других.

Александр Александрович Бушков хорошо пишет о противостоянии Западной и Восточной Руси, делая из этого куда как далеко идущие выводы. Но ведь само-то противостояние вовсе не свалилось с потолка, само собою. Взаимная вражда, естественно, возникает, когда

²³ Ионов И.Н. Российская цивилизация. С. 87.

Западная Русь оказывается союзником и проводником политики монголов. И когда Москва оказывается носителем иного принципа общественного и государственного устройства, чуждого Европе и большей части Руси.

Там, где сходятся войска Великого княжества Литовского и Русского и Великого княжества Московского, рубятся между собой русские люди. Это одна печаль.

Там, где воюют Москва и Литва, воюют Европа и Азия. Не зря же граница этих частей света с XV века и до сих пор упорно проводится через территорию Руси. Выбор Суздалем и Тверью между Великим княжеством Литовским и Москвой – это не просто выбор вассала между двумя сюзеренами и не просто решение, в какое государство войти, побольше и посильнее. Это выбор между Европой и Азией. Причем под Азией имеется в виду не богатый просвещенный Китай, не цивилизованные мусульманские государства Переднего Востока и Египта, а глубокая внутренняя Азия, первобытные монгольские ханства. По сравнению с этими ханствами даже Булгария на Волге и среднеазиатские государства кажутся центрами цивилизации.

Именно в это время, во второй половине XIV века, русский король Польши и Великий князь Литовский и Русский Ягайло оказывается союзником татарского хана Мамаю. С трудом могу представить себе столь противоестественный союз, воистину порожденный Москвой. Но он был, этот союз 1380 года: союз Мамаю, рязанского князя и Великого князя Литовского. Тот самый вариант, когда сбываются самые страшные (они же – и самые сладкие) московские мифы: «Все против нас!»

Москва тянет в Азию, а русский человек далеко не всегда так уж стремится в нее попасть – даже на Северо-Востоке. Если же говорить о Западной Руси, тот там цивилизационный выбор как бы уже сделан. Всякое торжество Азии там – это отказ от уже достигнутого уровня сложности. В записках некоего М. Литвина в XV веке очень четко объединяются «татары и москвитяне», имеющие сходные обычаи.

А для москвитов сама эта сложность – выпендрёж, предательство, раскол «должного быть» единства и вообще попытка «быть шибко умными». Удивляться ли взаимному ожесточению?

Лидер Северо-Востока

Ну вот, кажется, уже и можно предположить, почему же именно Московское княжество стало собирателем земель всего Северо-Востока, почему возникла именно Московия, а не Тверь, не Владимирщина и не Серпуховия.

Московские князья более последовательно, чем другие, строили тяглое государство. Не потому, что были «хуже» остальных и не были способны ни на что другое, как на тяглое государство. Не потому, что были «лучше» остальных и сумели понять то, до чего остальные не додумались. Другие князья других княжеств Северо-Востока тоже двигались в ту сторону. Но последовательнее Москвы тяглого государства никто не строил. Никто не использовал особенностей русского Северо-Востока так полно, так совершенно, как московская ветвь княжеской династии Рюриковичей.

Насколько я могу судить, и сам Александр Невский, и его потомки на троне Московских князей вовсе не заслуживают, чтобы их называли не особенно умными, не чересчур глупыми, не героическими и не трусливыми. Они, как говорят разлюбившие дамы, «такие же, как все». Если уж нужен для них специальный эпитет, я выбрал бы для них: решительные. Они очень решительно, гораздо решительнее остальных, разрывают с европейской частью славянского наследия. С тем, что роднит славян с Европой.

Они последовательно сделали опору на самые допотопные, самые архаичные традиции русского Северо-Востока. В том числе и на общинность, на племенные мифы. На представления о славянах как о племени, у которого непременно должен быть один вождь-князь.

В Московии сложился тип государства, который порой считают вообще типичным для славян, но которого в других славянских землях практически нигде не было. Нигде власть князей не была такой абсолютной и всепроникающей, настолько ничем и никем не ограниченной, как во Владимире и Суздале, позже – в Москве.

В XIX веке русские интеллектуалы не выдержали соблазна счесть «восточную» деспотию Московского государства неким татарским заимствованием. Тем, что принесло Руси нашествие монголов и подчинение ее Золотой Орде. Но Андрей Боголюбский и в домонгольское время был типичным «восточным владыкой». А Киев и Галич, хоть и были завоеваны монголами и уплачивали дань, развивались по совершенно другому типу.

Если бы никаких монголов не появилось и в помине, а на Северо-Востоке Руси возникало самостоятельное государство на основе только местных княжеств, оно неизбежно оказывалось бы тяглым. Потому что тяглое государство, не отягощенное европейскими традициями, соответствовало и способам ведения хозяйства, и мировоззрению местного населения.

Но тут есть три варианта событий.

1. Долгое переживание отдельных княжеств. Княжества дикие, без веча, с деспотической властью князей, но каждое – само по себе. Тогда эти княжества неизбежно остались бы только периферией более цивилизованного Запада и Юго-Запада. Вероятно, тогда княжества Северо-Востока и были бы постепенно включены в орбиту более культурных стран. Литва ведь и протянулась уже к Можайску, Твери и Суздалю. Не поднимись бледной поганкой Москва, уже к XV веку Русский Северо-Восток уходил бы с исторической арены, так и не сыграв никакой самостоятельной роли.

2. В другом варианте на Северо-Востоке, очень может быть, вместе с Прикамьем, Предуральем, Башкирией, могло бы возникнуть другое, не московское «северо-восточное государство» – скорее всего, тяглого типа. Но скорее всего не в XIV, а веке в XV–XVI.

В сложении такого государства вполне могла бы принять активнейшее участие Волжская Булгария, и славяне совсем не обязательно играли бы в нем роль «титულიй нации». Это могло бы быть государство, в котором турки играли бы такую же роль, какую в Великом княжестве Литовском играли литовцы-аукшайты.

3. Сложение в XIV–XV веках на Северо-Востоке централизованного государства, но с центром не в Москве, а в Твери, Калуге или в Боровске.

Этот вариант совершенно ничем не отличается от того, который реализовался в истории. Различие – только в названии государства и его столицы. Ну, жили бы мы в Тверии или в России, которая образовалась из разрастающейся Тверии. Разница?

Поддержка Церкви

Еще один и очень длинный шаг от аморфного Северо-Востока с множеством княжеств к единому Московскому государству помогла сделать Церковь, которая называет себя русской и православной. Оба эти эпитета вызывают у меня сомнения, потому я и уточнил, что оставляю их на совести самой Московской патриархии.

Поддержка Церкви в исключительной, в огромной степени помогла формироваться Московскому княжеству. Уже Иван Калита сумел привлечь в Москву митрополита Петра. Вообще-то происходил Петр с Волыни, а на Северо-Восток попал по причинам вполне политическим.

В 1299 году митрополит Максим перенес митрополичью кафедру во Владимир.

Великий князь Галицкий Юрий Львович был этим очень недоволен. Он хотел иметь собственного митрополита, Галицкого. Уже известного и высоко чтимого Петра он отправил в Константинополь: пусть там его рукоположат в Галицкие митрополиты, создадут отдельную митрополию от Киевской. Но в 1305 году митрополит Максим умер, и патриарх Афанасий рукоположил Петра не в митрополиты Галицкие, а всея Руси.

Одновременно князь Михаил Тверской направил к патриарху Константинопольскому своего человека – игумена Геронтия с просьбой о поставлении его на Русскую митрополию. Возник затяжной конфликт между Петром и даже не столько Геронтием, сколько тверским князем. Петр окончательно переехал во Владимир-на-Клязьме в 1309 году и в борьбе за великокняжеский престол поддержал не тверского князя Михаила, а Юрия Московского (да и что ему оставалось делать? Своим для Михаила Тверского он никогда не стал бы). Доходило до прямых обвинений в ереси и в подлоге со стороны тверского епископа Андрея.

Когда после смерти Михаила Тверского и Юрия Московского Александр Михайлович Тверской получил от хана ярлык на великое княжение и вступил в борьбу с Иваном Даниловичем (Калитой) Московским, святитель Петр принял сторону последнего.

Во Владимире было неудобно, а в Москве Петра принимали «с честью». На берегу Москвы-реки нашлось место, очень похожее на берега реки Ратс, на Волыни, где Петр когда-то основал монастырь. Митрополит все чаще бывал в Москве. В 1325 году он окончательно поселился в Москве и перенес туда кафедру митрополита.

Если верить легенде (а ей нет причины не верить), Петр активно пропагандировал создание в Москве храма Успения Пресвятой Богородицы.

«Если ты, – сказал святитель великому князю, – успокоишь старость мою и возведешь здесь храм Богоматери, то будешь славнее всех иных князей, и род твой возвеличится, кости мои останутся в сем граде, святители захотят обитать в оном, и руки его въздут на плещи врагов наших».

4 августа 1326 года началось строительство. Митрополит Петр собственными руками построил себе каменный гроб в стене этого храма. Не успел, умер 12 декабря 1326 года, до окончания строительства. Но в стене храма он погребен. Петр – первый из митрополитов всея Руси, постоянно живших в Москве. После смерти православная Церковь канонизировала его как святого – покровителя Москвы. Не забудем, что первым Римским Папой был Апостол Петр! Петр там, и Петр здесь... Символично! Преемник Петра, митрополит Феогност окончательно переехал в Москву, сделав ее церковной столицей Руси.

Митрополиты поддерживали Московских князей, объявляли их защитниками православия, и получалось, что князья Московские – едва ли не святые, держатели истинного православия. Сопротивление Москве – получается, отступление от православия и тяжкий грех.

Теперь, даже сделав какую-нибудь гадость, Московские князья были вроде бы и не очень виноваты – ведь старались они не для какой-то пошлой цели, для самих себя; нет, старались они исключительно во имя великой цели, во имя того, что позарез нужно было для всех. То, что Церковь категорически осудила бы в поведении любого другого князя, она легко прощала Московскому.

Удобная это штука: трудиться не для себя, а для «общества»!

Оформление Московской Руси

Младший сын Александра Невского, Даниил Александрович, сел княжить в Москве после смерти отца. Был он Великим князем, но не Московским, а Владимирским.

Князь Юрий Данилович стал Великим князем Владимирским в 1318-м, но потом ярлык на великое княжение отобрали и отдали Тверскому князю. Иван Калита подавил в 1327 году восстание в Твери, заслужил этим большое доверие в Орде (в точности как его дед Александр Невский) и получил ярлык на Великое княжение в 1328 году. Заметим: Московский князь получает великое княжение, но какое? Владимирское великое княжение. И становится не Великим князем Московским, а Великим князем Владимирским, затем – Великим князем Владимирским и Московским. Владимирское княжество в титуловании – на первом месте.

Иван I Данилович Калита тоже жил в Москве, хотя и был Великим князем Владимирским и Московским. Он заложил традицию: жить в Москве.

Дмитрий Донской передал свой престол и великое княжение сыну Василию как свою «отчину», без ханского ярлыка. Но и он был Великим князем Владимирским и Московским.

И все Великие князья до Василия Темного – Великие князья Владимирские и Московские.

Василий Темный стал первым Великим князем Московским. Вот, пожалуй, дата, которую можно считать датой рождения Московии: 1415 год, год восшествия на престол первого Великого князя Московского.

В 1480 году Великий князь Московский и Владимирский Иван III, сын Василия II, присвоил себе титул князя Всея Руси, то есть провозгласил себя преемником Киевских князей, и заявил свои права на земли всех русских княжеств.

Он, впрочем, не был первым из Московских князей, кто попытался называть себя «Государем Всея Руси».

Великий князь Симеон Гордый перед смертью (1353) сделал Духовное завещание, к тексту которого привешены 3 печати; одна из них, серебряная, вызолоченная, с надписью «печать Князя Великого Семенова всея Руси», и две измятые восковые печати²⁴.

Конечно же, это еще не настоящее принятие титула. Это так, некое действие исподтишка. Подумаешь, печать на документе сугубо внутреннего пользования, который никак не попадет к иностранцам, не станет причиной раздора. Это что-то вроде поедания вкусного пряника тайком, под одеялом, пока никто не видит. Так мальчишка с порочными наклонностями сливает опивки вина из стаканов и торопливо пьет, когда гости вышли из комнаты.

Но и этот мелкий эпизод интересен как доказательство: уже в середине XIV века сознание Московских князей беременно этой идеей – стать государями не просто Московскими, даже не «просто» Великими князьями, а Государями Всея Руси. Быть ими ну очень хотелось... Так сильно, что вот даже печати изготовили.

Симеон только тайком откусил от почести; лучше даже сказать, только обнюхал ее и облизал под покровом ночи. А вот через шесть поколений, в 1480 году, Иван III Васильевич принимает титул всерьез, через венчание в церкви, через объявление о принятии титула иностранным владыкам... словом, всем. Эта претензия уже более чем серьезна.

Ни Литва, ни Польша, ни страны Восточной Германии, ни Скандинавия – одним словом, никакие соседи Северо-Восточной Руси не согласились с этой формулировкой. Не только Литва – подчеркну это! – никто во всем мире не признавал права Москвы на земли Западной и Северо-Западной Руси. Употреблялись названия – Московия, Московское государство. Но слово «Русия» появляется только в странах, далеких от Восточной Европы, от реалий местной политики. Слово используют те, кто далек от реалий Восточной Европы и кому, в общем-то, все безразлично.

После венчания на царство Ивана Грозного появляется слово «Россия». Официальное название: Россия, Российское государство.

Но у западных соседей слово «Московия» в ходу еще по крайней мере лет сто пятьдесят, практически до реформ Петра Великого, и даже позже.

Первый царь династии Романовых, Михаил, выбран на престол Московского царства Российского государства. Похоже, работает пресловутая «подкорка» – участники Земского собора понимают, что Российское государство – более широкое понятие, чем Московское царство... И венчают Михаила на царство более скромное.

²⁴ Карамзин М.Н. История государства Российского. Т. IV, М., 1995 с. 321.

В 1654 году Алексей Михайлович принял титул: «Царь, Государь и Великий князь, всея Великия и Малыя России самодержец». Насчет «малыя» – тут все понятно – претензии на Украину.

Но еще в 1690 году в Голландии известный географ Николас Витсон составил карту России, которую назвал «Новая Ландкарта Северной и Восточной Татарии 1687 года», а позже написал книгу «Северная и Восточная Татария», которую посвятил Петру Великому.

Впрочем, как говаривал герой Стругацких, это уже совсем другая история.

Что получилось?

Весь XIV век идет стремительный, неудержимый рост Московского княжества. Все остальные княжества мало и теряют, и приобретают, в целом сохраняя свои территории стабильными. А Московское ханство... я хотел сказать, Московское княжество растет, растет и растет.

Присоединяются Коломна (1301), Переяславль-Залесский (1302), Можайск (1303), Нижний Новгород (1393). При Дмитрии Донском к Москве отходят Кострома, Солигалич, Белозеро.

Ко времени правления Василия II Темного территория Московского княжества составляла примерно 430 тысяч квадратных километров, а население – порядка 3 миллионов человек.

Это уже было самое крупное русское государство, населенное русскими, после Великого княжества Литовского и Русского.

В конце же XV, в XVI веке пошли дела покрупнее. В 1478 присоединен к Московии Новгород. В 1485 – Тверь; в 1510 – Псков; в 1514 – Смоленск; в 1521 – Рязань.

Каждый виток завоеваний сопровождался витком «централизации» – то есть подавления последних островков свободы. Уже при Дмитрии Донском служба Великому князю «без ослушания» стала совершенно обязательной. Если раньше при сборе ополчения боярин мог выбирать, с каким князем выступать в поход, теперь он («без ослушания!») выступал с тем князем, на чьей территории находились его земли.

При Дмитрии же Великий князь пытался поставить в митрополиты своего ставленника, Митяя, – то есть попытался поставить Церковь в прямую зависимость от Великого князя (как и Андрей Боголюбский!). Попытка провалилась (как при Боголюбском!)... Но она будет иметь последствия.

Дмитрий же до конца ликвидировал остатки городского самоуправления: упразднил в Москве должность тысяцкого (1373 год). А сын последнего тысяцкого, который пытался восстановить эту должность, был казнен в 1379 году.

Как тут не вспомнить все того же Андрея Боголюбского! Он и бояр резал, и своего ставленника пытался сделать митрополитом...

Ведутся, конечно, и попытки реальной централизации: вводится единая монета, упраздняются внутренние пошлины, вводится Судебник 1497 года, утверждающий единообразие законов в княжестве. Но за каждый шаг к централизации приходится платить шагом из Европы – в Азию.

С завоеваниями на Западе проявляется и еще одна черта политики московских ханов-князей, которую во всей полноте унаследуют и императоры Российской империи, и Генеральные секретари ЦК КПСС: постоянное переселение населения с Запада на Восток и с Востока на Запад.

Западные области Московии (Смоленщина, Орловщина, окрестности Москвы и других крупных городов) были не только гуще населены и обладали более развитой и современной инфраструктурой. Они были и более культурны. Чем дальше на Восток – тем удаленнее от

центров культуры, тем более изолированные и дикие начинались места. На Востоке страны воспитывались люди более дикие, архаичные и уже потому более преданные централизованной власти Московских ханов-князей.

Ссылка из западных областей страны в восточные очень рано стала использоваться как наказание. Сознательно или нет, но московские князья и цари постоянно перемешивали население, «снимали» наиболее культурные, европейски ориентированные слои городского населения на западе своих владений и заменяли их жителями сельских районов или Востока – т. е. людьми с несравненно более архаичным типом сознания. Этим не только ослаблялись и устранялись «опасные» для Московского типа правления элементы – постоянно живущие на одном месте, хорошо обеспеченные образованные люди с европейской культурной и политической ориентацией.

Этим поддерживалась однородность, одинаковость населения Империи, а всякая независимая от властей позиция делалась неустойчивой и «непрестижной». Житель Империи получал как наглядный пример полной зависимости всех от воли «начальства», так и «подтверждение» тщеты всякого интенсивного труда, накопления имущества, знаний и культуры. Все это оказывалось ненужным перед лицом как природных, так и политических сил.

В петербургский период нашей истории эту эпоху – XIV–XV века – однозначно трактовали как «проклятое» время, когда естественное развитие Руси – самой большой и самой богатой страны Европы – было прервано татарами. Когда Русь оторвали от Европы, и она, по выражению графа А.К. Толстого, «наглоталась татарщины всласть». Писали об этом и Лев Толстой, и А.С. Пушкин.

В любом случае невольно задаешь вопрос – а так ли и впрямь «испортило» нравы монгольское нашествие? На протяжении всей истории Северо-Востока Руси идет сложение тяглого государства, как наиболее полно отвечающего диковатой, архаичной культуре Северо-Востока.

Этот генезис идет до монголов, в XI, XII веках, в начале XIII в. Он получает мощнейший толчок во время нашествия, но в самих ли монголах дело, остается как-то не очень ясным. Тот же процесс полным ходом продолжается в послемонгольское время. В то самое время, когда можно ожидать «изживания» привнесенного монголами, как раз и укрепляется тяглое государство. Если «проклятые татары» (цитирую Пушкина, а татар прошу не обижаться) испортили хороший европейский народ, то как получилось – после освобождения от ига нравы несколько не улучшаются, а скорее продолжают «портиться»? Весь XV, XVI века становится все меньше политической свободы. Все свирепее сыск, уголовное право и казни. Все более дикие семейные нравы (уже явно без прямого влияния татар). Московия – монгольская Русь начала XVI века, при Василии III – страна не менее, а более азиатская, чем та же Русь в XIV веке, при Иване Калите.

Глава 5

Московское православие

Если Бог может быть немецким... французским, аргентинским или принадлежать княжеству Монакскому, то это уже не Бог, а некая государственная принадлежность, вроде герба, скипетра или державы.
В.В. Шульгин

Что такое православие?

В прошлой главе я уже позволил себе некий выпад в адрес московского православия и не уверен, что встретил понимание читателей. Нынче в России каждый или почти каждый числит себя православным, даже если крещен-то без году неделя, во время одного из массовых крещений 1991 или 1992 годов, больше напоминавших некое спортивное состязание, что-то вроде массового заплыва. А вот серьезных знаний о предмете, боюсь, у людей сильно недостает.

Для очень многих людей как-то и нет разницы между понятиями «православие» и «русское православие». Поразительно большое число русских не знают, что существует еще и «нерусское» православие. И даже те, кто слышал об этом, как правило, не имеют никакого понятия, что сейчас, в данный момент, на земле существует ТРИ русские православные церкви. Как минимум три мощные церковные организации, называющие себя этим именем.

...Но давайте начнем сначала. Единая тогда Апостольская церковь сформировалась на первых семи Вселенских соборах IV–VIII веков. Со всех концов Римской империи съехались священники; обсуждать – во что же они, собственно, верят? На Вселенских соборах и были выработаны основные догматы всей церкви, которую стали называть Католической и Апостольской. На востоке Империи западное «К» менялось на «Ц», и «киник» превращался в «циника». А западное «Т» на востоке менялось на «Ф». Католическая церковь на востоке произносилась – «Кафолическая», но значение слова не изменялось: «Вселенская». Вселенская Апостольская церковь.

Апостольской церковь назвала себя потому, что первыми иерархами этой церкви были двенадцать Апостолов, учившихся лично у Христа. Церковь считала, что Апостолы могли делиться данной им Свыше благодатью. Возлагая руки на тех, кого посвящают в сан, старший иерарх Церкви делится своей благодатью с другими. Этот обряд так и называется – «рукоположение». Так же и при благословении, когда священник крестит мирянина: он, рукоположенный, владеющий благодатью, делится этой благодатью с мирянином. А мирянин целует благословляющую руку, дающую ему толику благодати, пришедшей еще от Апостолов и от Христа.

Не все священники смогли или захотели приехать на Соборы. Не смогли те, кто жил за пределами Империи. Враждующая с Империей Персия не пропустила послов из Армении – первой в мире полностью христианской страны, крещенной еще во II веке по Рождеству Христову (Армения тогда была в составе Персидской империи). Не смогли приехать послы с Малабарского берега Индии. Не захотели приехать из Сирии сторонники епископа Якова, конфликтовавшего со всеми остальными епископами. Не приехали сторонники Коптской церкви из Египта, Эфиопской церкви из-за порогов Нила. Эти пять церквей не вошли в Апостольскую церковь; их так и называют – древние восточные церкви. Кроме них, есть еще и Ассирийская восточная церковь, а Малабарская распалась на три разные церкви.... Но пока мы не о них, мы о Церковных соборах.

Не может быть ничего более далекого от истины, чем бредни американца Джона Брауна, у которого все церковные вопросы решили на **единственном** церковном соборе под руковод-

ством императора Константина²⁵. Весьма печально, что эту вредную чепуху перевели на 44 языка и издали общим тиражом более чем 60 миллионов копий, что сей «интеллектуальный бестселлер» возглавляет список бестселлеров журнала «Нью-Йорк таймс». Потому что ничего подобного не было и не могло быть. Соборов было несколько, императоры на них никогда не председательствовали... Церковь решала сама.

На Соборах решали вопрос: какова сущность Христа? Как слита в нем человеческая и божественная природа? Во что должен верить христианин, чтобы быть прихожанином Апостольской церкви?

Соборы приняли догматы (от греческого *dogma* – «мнение, учение, постановление») – утверждения, которые должен признавать истиной всякий христианин. Церковь считала себя вправе отлучить того, кто не согласен с ней и не признает ее догматов. Греческое слово «анафема» означает всего-навсего «отделение». Анафемствуя человека или духовное учение, Церковь заявляла, что отделяется от него, не считает человека или учение «своими», своей частью.

Церковь приняла сложную формулу, согласно которой человеческая и божественная сущности сливались в личности Христа нераздельно, но и неслиянно.

На Никейском соборе, в 325 году, приняли Символ веры: «Веруем во Единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И в Единого Бога Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Отца Единородного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через которого все произошло на небе и на земле. Нас ради человеков и нашего ради спасения сошедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых. И в Святого Духа. А говорящих о Сыне Божием, что будто было время, когда его не было, или будто не было его до того, как родился Он, или произошел Он из несущего, а также говорящих, будто Сын Божий из иной, нежели Отец, ипостаси, или сущности, или сотворен или изменяем – тех анафемствует Кафолическая церковь».

Потом будут и другие версии Символа веры. В числе прочего они сильно разойдутся у католиков и православных, но этот, Никейский, Символ веры, был первым – до раскола Церкви.

Соборы постарались привести в систему все, что известно о Христе, и отделить достоверные сведения от явно недостоверных. В конце концов, откуда вообще известно о явлении людям Христа? В годы правления императора Тиберия в Иерусалиме произошло НЕЧТО. Многие что-то видели и поняли... уж как сумели, так и поняли. Можно себе представить, какие фантастические и нелепые слухи ходили вокруг Богоявления, если невероятнейшими сплетнями сопровождается каждое вообще значительное событие?

А ведь во времена Христа фантазия людей не умерялась никаким образованием, даже таким скверным, какое получаем мы сейчас.

Соборы рассмотрели более 20 одних только Евангелий, и лишь 4 из них были признаны заслуживающими доверия; эти Евангелия: от Луки, от Марка, от Иоанна и от Матвея – Церковь считает каноническими, то есть признанными. Остальные Евангелия названы апокрифическими – то есть за их подлинность и достоверность сообщаемого в них Церковь не может поручиться.

В той, первоначальной Церкви не было единого главы. Церковь признала епископов самых важных городов Империи – главнейшими епископами, патриархами. Патриарх сам рукополагал других епископов, и его авторитет был непреерекаем на «его» территории.

²⁵ Браун Д. Код да Винчи. М., 2005.

В V веке в пяти главнейших городах Империи сели пять патриархов: Константинопольский, Антиохийский, Александрийский, Иерусалимский, Римский. Но вот условия, в которых они оказались, очень уж были не одинаковы. И в этой разнице таился будущий раскол.

Патриарх Римский, Римский Папа, организовывал церковную жизнь в мире, где империя рухнула. Где не было того, кто сильнее Папы Римского по своей реальной власти. Папы Римские рано стали претендовать на светскую власть: на право занять свое, и очень высокое, место во всей феодальной иерархии.

Папы Римские организовывали Церковь там, где порой и государства-то еще не было. На брошенных римлянами землях, где варварские племена и остатки бывшего населения сплетались в какой-то жуткий клубок, где шла, не прекращаясь, война всех решительно со всеми. Все церковнослужители Запада составили одну церковную иерархию – во главе с Ватиканом и с Римским Папой. Все церковные авторитеты подчинялись одному авторитету, Римского Папы.

На Востоке Церковь жила под покровительством, под сенью по-прежнему могучей Империи. Ей и не нужно было решать слишком много вопросов, связанных с имуществом и властью. Империя готова была дать все, в чем нуждается Церковь, – от денежных средств до вооруженной силы; и авторитет священника, готовность светских властей слушать его зависели только от личных качеств и репутации иерарха. На Востоке Церковь считала, что должна иметь лишь духовный авторитет.

Были и мелкие различия, восходящие к традициям, привычкам и обычаям греческого Востока и латинского Запада. Различия настолько мелкие, что они не могли быть причиной разрыва, они могли стать предлогом – и только. Предлогом они и стали, помимо основных причин, выраженных, впрочем, совершенно откровенно: не подчиняясь Папе Римскому, восточные иерархи ломали единство Церкви. Западная Церковь стала именовать восточных иерархов раскольниками-схизматиками.

И еще: западная Церковь оказалась динамичнее, активнее. Она готова была вносить отличия, поправки в Символ веры, изменять догматы, принимать решения, отличные от решений первых Вселенских соборов. Для иерархов восточной Церкви здесь таился великий соблазн... Еще больший, чем в претензиях западной Церкви, на светскую власть и Римского Папы на главенство. Восточная Церковь была ортодоксальная: требовала, чтобы решения, принятые в IV–VII веках, оставались неизменны – как бы ни изменялась жизнь. Основные положения христианского вероучения, сформированные первыми семью Соборами, объявляются «боговдохновенными» – абсолютно истинными, непререкаемыми, вечными, неизменными, непостижимыми разумом.

Стоит вдуматься в смысл самого слова «православие» – правильное славление Бога. Правильно – только оно. Славить Бога иначе, делать это по иным обрядам – неправильно! Восточная Церковь тоже «обзывалась», называя западных иерархов отступниками, неправославными – то есть как бы и не вполне христианами.

В XI веке дело дошло до того, что в 1054 году Константинопольский патриарх и Папа Римский взаимно отлучили друг друга от Церкви и прокляли друг друга. Восточная и западная Церкви перестали быть единым целым, и более того – стали враждебны. И теперь имело огромное значение, кому подчиняется епископ в варварских землях – Риму или Константинополю.

Можно по-разному относиться к претензиям папства на светскую власть. Позиция православных, настаивавших на том, что Церковь должна иметь только духовный авторитет, не вторгаясь в дела государственные и не получая властных полномочий, как-то все же благороднее. Да и больше соответствует евангельским словам Христа: «Богу Богово, кесарю кесарево».

Но встанем даже на каноническую позицию православия; будем считать вредной чепухой претензии папства на главенство в христианском мире, а догматы католицизма – заблуждением и ересью. Но и в этом случае централизация приводит к упорядочиванию религиозной жизни западного христианского мира. Католический мир и более однообразен, и более управляем.

Католические священники, окрестившие германцев, скандинавов, ирландцев, кельтов, поляков, чехов, мазуров, литовцев, приобщили их к античному наследию. Не только все епископы всего католического мира подчинялись одному авторитету и одному общему центру. Европейцы крестили язычников и делали их европейцами. Священность договора, рационализм, уважение и интерес к личности человека – все это несло с собой западное христианство.

Никакого единого центра у православных не было с самого начала. Патриарх в Константинополе был объявлен «вселенским», но править должен был «соборно» с остальными. А с XII века, после развала Византии, возникли четыре автокефальных патриаршества: в Константинополе, в Антиохии, в Иерусалиме и в Александрии. Автос – по-гречески «самостоятельный», кефалис – «голова». Значит, четыре самоголовых патриаршества.

Окрещивая язычников, греки создавали новые Автокефальные церкви. А язычников они приобщали к Церкви – но не к тому, что создала античность. На Востоке каждый народ строил собственную Автокефальную церковь, но мог оставаться вне Европы.

На Руси долгое время не было своей Патриархии, был только митрополит, подчинявшийся Константинопольскому патриарху.

Но никто с самого начала не исключал, что такая Патриархия может появиться и Русская православная церковь станет автокефальной.

Приключения христианства на Руси

Греки крестили славян, но не приобщили их к наследию античной цивилизации.

С первых же десятилетий христианизации Руси шло прорастание местной, языческой культуры сквозь принесенную христианскую. Какое-то время, кстати, язычество и жило себе параллельно с христианством. Еще в XIII–XIV вв. в городах могли проявляться самые натуральные «волхвы» – то есть языческие жрецы, а православные вели с ними нешуточные баталии, и не только словесные. Обилие земли, существование славянского Востока очень помогало сохранять языческую дикость. Крестился только тот, кто хотел. Кто не хотел, мог выбирать – жить ли ему в густонаселенных местах, в городах, в долинах больших рек – там-то креститься придется. Или не креститься и уйти в менее населенные лесные места, где язычника не достанет никакая княжеская или церковная власть. Причем в случае бедствий, какой-то общей неприятности можно и вылезти из лесных дебрей, поугадать недавних язычников, что все их беды – от забвения «правильных» богов. Провести, говоря современным языком, свою пропаганду.

Но и крещенные жили сразу и в мире христианства, и в мире язычества. Не случайно же у всех первых князей – по два имени. Ольга крещена как Елена. Владимир крещен как Василий. Именем Ярослава Мудрого названы два города: Ярославль и Юрьев. Оба города названы разными именами одного человека, потому что крестильное имя Ярослава Мудрого – Юрий.

Конечно же, два имени имели и приближенные князей, бояре, и дружинники, и все простолудины – все русские-русины, принявшие таинство крещения.

За этим обычаем – иметь имя христианское и имя языческое – стоит огромный пласт представлений, получивших название сначала в Церкви – двоеверие. Потом этот термин переняла и наука.

Двоеверие означает, что человек совершенно искренне ходит в церковь, крестится и молится Богу, вешает в дому иконы, крестит детей и уважает священников. Но так же искренне он почитает и языческих богов и может поклоняться им, приносить жертвы, беседовать с ними. Тоже совершенно искренне. А если ему сказать о странном противоречии, он страшно удивится: «Но это же совсем другое дело!» В сознании двоеверцев одновременно существует и христианство, и язычество, и они как-то не особенно мешают друг другу. Постепенно, конечно, языческий пласт культуры тускнеет, слабеет, забывается и через 2–3 поколения исче-

зает совсем. Об этом можно говорить так уверенно потому, что ничего нового и ничего специфичного для Руси в двоеверии нет. Такую стадию в своей духовной жизни прошли очень многие народы; ученые изучали явление на примере народов, крещенных в XVIII–XIX веках, и двоеверие изучено очень хорошо.

Особенность Руси скорее в том, что двоеверие в ней задержалось, особенно на Северо-Востоке. В Волго-Окском междуречье только в XV веке окончательно перестали класть в могилу с покойниками вещи: оружие, орудия труда с мужчинами; иглы, украшения с женщинами. Еще современники Дмитрия Донского и даже Ивана Грозного, особенно в деревнях, оставались немного язычниками.

В XV веке финское население окрестностей нынешнего Петербурга поклонялось деревьям и фантастическим растениям, которые похожи на овец и приносят ягнят. Впрочем, и русские показывали иностранцам шапки, сделанные из шкуры этих фантастических существ.

В субботу накануне Пасхи полагалось плясать на кладбищах. В Великий четверг сжигали пучки соломы, чтобы вызвать семейных покойников. Клали щепотку соли за оклад иконы, а потом использовали ее от разных болезней.

Православные священники относились к этому очень неодинаково. Были иерархи, воевавшие с язычеством крайне последовательно. А иные сами писали колдовские книги, вводили их в церковную литературу. Вызыватели духов встречались и в монастырях, а в свите Ивана Грозного известно несколько колдунов.

Во время беспорядков в Москве в 1603 году трупы лежали неубранные двое суток, и колдуны срезали жир у мертвецов для своих снадобий. Как видно, были потребители «снадобий», и вряд ли колдуны всякий раз ждали народных бедствий, чтобы получить необходимое им вещество. Как видно, некоторая общественная практика по этой части в Московии была.

Так что не все так уж водой утекло. Русское язычество вошло в православие далеко не только невинными жаворонками из теста и блинами – солнечными знаками на Масленицу. Если бы!

Сколько написано о гаданиях в русской бане! Сколько рождественских историй... то веселых, то довольно жутких. Вдумаемся, что стоит за ними: после строительства новой усадьбы священник освящает все строения. Все созданное человеком освящается, из всего изгоняются бесы. Кроме баньки. В усадьбе человека, который называет себя христианином, остается строение, не освященное Церковью. Строение, в котором не полагается держать икон; строение, в котором может поселиться кто угодно. Атеисты могут веселиться, их дело. Вообще-то с банькой, с гаданиями в ней связано несколько вполне достоверных и весьма неприятных случаев, в том числе и подтвержденных людьми официальными – врачами «Скорой помощи» и милиционерами. Но как справедливо замечает наш общий друг А.А. Бушков, «интеллигент обычно невежественен». Так что ухмыляться – ухмыляйтесь; как человек, склонный к злорадству, я даже буду немного доволен, если атеист поухмыляется, а потом прибежит с трясущейся нижней челюстью и без кровинки в лице. Такую картинку я наблюдал как-то, имел удовольствие. Но как человек гуманный и несклонный пособлять нечистой силе, я бы вам советовал, дорогие читатели, быть все-таки поосторожнее.

А к тому же – ведь не освящали баньку, оставляли ее... ну, скажем так – любим желаемым, как раз христиане. Те, кто верил в нечистого духа, и если логически рассуждать, должны были держаться от него подальше, как подобает добрым христианам, людям верующим. Стало быть, знали, что делали?

Как происходит гадание, не забыли? В наше время случается, конечно, все что угодно. Как-то мои студентки очень повеселили меня, попытавшись погадать на суженого на пятом этаже шлакоблочного дома, в ванной комнате и в нейлоновых ночных рубашках.

Но вообще-то гадающие девицы должны приходить в баню в полночь, сняв украшения и нательные кресты, раздевшись до нижней (полотняной, конечно) рубашки. Белье тоже пола-

гается снимать. Девушки должны выглядеть так же, как выглядели их прапра и еще много раз прабабушки задолго до прихода христианства на Русь. Если в предбаннике все же повешена икона (нарушение традиции и церковных правил – помещение-то не освящено), ее выносят. То есть остаются в освещенном свечами помещении, которое тоже выглядит как в незапамятные времена. Ну, и вызывают к неким сущностям, если хотите – к существам, которые и должны открыть им имя и внешность суженого.

Иногда уверяют, что вызывают, мол, к невинным древним языческим богам, и нет в этом ничего от бесов. Может быть. Но вообще-то есть твердое правило вовремя набрасывать платок на зеркало, в котором что-то приближается к смотрящей. Потому что, если вовремя не накинуть, у бредущего по световому коридору к гадающей появляются рога, лицо страшно искажается, и эффекты, что называется, могут быть любыми.

Опять же – можете ухмыляться. Но я видел как-то девицу, не успевшую набросить платок, и у меня (прошло 30 лет) до сих пор много впечатлений. Так что смейтесь – да не досмейтесь бы.

По поводу гаданий в бане у меня, собственно, есть два вопроса. Первый очень прост, и мне доводилось задавать его православным священникам: «Скажите, получается, что русское православие сумело договориться с бесами и поделило с ними территорию? Так сказать, включило в себя веру в бесов и отводит место для молитвы бесам?»

На этот вопрос я до сих пор не получил внятного ответа ни у одного православного священника. Были продолжительные речи, и в том числе настойчивые предложения молиться, как только у меня возникнут подобные вопросы. Порой поднимались очень интересные и сложные проблемы, но вот прямого, ясного ответа – как надо понимать обычай не освящать баньку – я не получил.

Второй вопрос: «Освящают ли баньку в других православных церквях – скажем, в грузинской?»

На этот вопрос я ответ получил, и очень недвусмысленный: освящают!

Из чего следует, что только в московском православии сохранились принципы двоеверия²⁶.

Впрочем, и в доме москвиты, непосредственно под образами, много кто может обитать. Дом московского православного – весьма своеобразное место, которое люди разделяют с домовым, с кикиморой, с банником, запечником, чердачником, подвальным и прочими созданиями. Кикимору, говорят, могут видеть маленькие дети, по другим данным – еще и совсем молоденькие, непорочные девушки. В этом представлении очень сильно смешивается христианское и языческое отношение к жизни. По представлениям христиан, непорочные младенцы могут видеть то, чего не видим мы, погрязшие в грехах взрослые люди. Насколько дети или еще безмужние, но уже озабоченные девицы лет 15–17 заслуживают названия непорочных – это вопрос не ко мне, но такое представление в христианском мире есть.

Только ведь непорочные могут видеть именно что существ божественного, горнего мира: ангелов, архангелов, святых. Тех, кого мы не можем видеть именно в силу нашей порочности. А вот бесов могут видеть как раз люди, упавшие ниже обычного человека; те, кто становится «достоин» лицеизреть как раз тех, кого мы обычно не замечаем.

В народном же поверье получается так, что непорочные люди могут видеть нечисть – словно нечисть тоже свята и открывается тем, кто ритуально чист. Как хотите, но это не христианство!

Как и разделять свое жилище с бесами – совершенно не по-христиански.

²⁶ В последние годы многие традиции московского православия соблюдаются нетвердо. В данном случае это сказалось положительно: многие священники, рукоположенные после 1991 года, понятия не имели об этой традиции и баньку преспокойно освящали. Плохо ли это? Невежество – это очень дурно, но не было счастья – несчастье помогло.

Не знаю, как православные других Автокефальных церквей, но вот что католики не знают никакого сговора с бесами – это факт. Ни гласного договора, ни негласного. С отношением западного христианина к нечисти очень легко ознакомиться, взяв в руки любую западную фэнтези: лучше всего Р. Толкиена или Пола Андерсона, которого мне довелось читать в великолепном переводе А. Бушкова²⁷.

Впрочем, годится любой перевод. Из этих книг очень легко выяснить, что чем дальше от жилья людей, чем дальше от священных мест, – тем больше вероятность встретиться с нечистой силой. Мысль же, что можно лежать в собственной кровати, а под тобой возится один... над тобой, на чердаке, второй... По огороду ступает мягкими лапами третий... Или что утром, когда семья садится за стол, пятилетняя девочка относит блюдо молока к печке: кикиморе, которую не видят папа и мама, но которую отлично видит девочка (сюжет нескольких народных сказок). Такая мысль европейцу непонятна да, пожалуй, и неприятна.

Помню, я сопровождал по Сибири двух пожилых немцев: крестьяне из Вестфалии на старости лет решили попутешествовать. Для меня это был способ попрактиковаться в языке, пообщаться с новыми людьми, тем более из-за рубежа. Стояло лето 1992 года, и валютные деньги тоже были очень нелишними.

В деревне, в доме, где надо было ночевать, я стал подробно рассказывать, кто где должен жить в русской усадьбе. И вот эти немолодые, рассудительные, очень практичные люди, в молодости видевшие войну, люди, прожившие всю жизнь на уединенной ферме, где полагаться можно было только на самих себя... эти люди не на шутку испугались. Испугались, может быть, и сильно сказано, но было им очень неприятно и неудобно. Настолько, что я тут же попытался свести все к шутке и рассказывал больше о том, что такое клуб и леспромхоз. Впрочем, Ильза чуть позже не преминула спросить, крещен ли я и верю ли в Бога.

Даже на церковную атрибутику в московском православии переносятся представления язычников.

До середины XVII века в Московии в церквях висели вовсе не «общие» иконы. Каждая икона принадлежали данной семье, молиться на нее имели право только члены семьи или нескольких связанных родством семей – рода. Члены другой семьи или рода не имели право молиться на эту икону. Если они нарушали правило, их подвергали штрафу. Иконы рассматриваются не как изображение, а как своего рода воплощение святого. От них требуют исполнения желаний семьи и обещают жертву: украшают цветами, вешают яркие тряпочки; свечка тоже рассматривается как жертва. Бывали случаи, когда иконы мазали куриной кровью или салом. Если иконы не исполняли просьбы, их наказывали: выносили из церкви, поворачивали лицевой стороной к стене, вешали вверх ногами, секли розгами.

Чем такое «христианство» отличается от идолопоклонства и чем такая икона отличается от вырезанного из дерева семейного божка-идола?

Потому что и эти, и многие другие факты (например, о приносимых в жертву Христу курах) приводятся в интереснейшей книге, название которой предельно ясно отражает возникающие у европейца вопросы: «Христиане ли русские?» Для заинтересовавшихся могу сообщить, что автор выносит положительное решение: да, несмотря ни на что, русские все же христиане! Книга на русский язык, разумеется, не переведена, а жаль. Читается она как увлекательнейший детектив.

Но тут необходимо важнейшее уточнение: со всеми чертами двоеверия, со всеми признаками проросшего в церковную жизнь язычества происходит совершенно то же самое, что и со всеми другими чертами русской архаики – они медленно, но верно дрейфуют с Запада на Восток. И наступает момент, когда Западная и Восточная Русь не очень понимают друг друга.

²⁷ Толкиен Д.Р.Р. Властелин колец. М., 1993; Андерсон П. Три сердца и три льва. Красноярск, 1989.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.